

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Полевой
Иоанн Цимисхий

«Public Domain»

1841

Полевой Н. А.

Иоанн Цимисхий / Н. А. Полевой — «Public Domain», 1841

«Величественна, таинственна, прекрасна сторона Востока. Она всюду прекрасна: в Индии, под исполинскими пальмами Ганга и Баррампутера, в зыбучих песках Аравии, в розовых садах Персии, снеговых горах Кавказа; и на торжище племен и народов, в той части Азии, где на каждом шагу видите вы отломок гробницы прошедшего, где каждый утес и пригорок отрывок из страницы давно минувшего! Сюда стекались они, народы Востока, каждый с хоругвию своей веры, с знаменiem своего назначения на челе...»

Содержание

Часть первая	5
Книга I	5
Книга II	27
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Николай Алексеевич Полевой

Иоанн Цимисхий¹²

Быль X века

Часть первая

*Nika! Nika (будь победитель)! – восклицали они, потрясая окровавленными мечами...*³

Прокопий. «История моего времени»

Книга I

*...И созва Царь Константин⁴ книжники и мудрецы, сказа им виденное знамение об орле и змии. Они же порассудив, сказавши Царю: «Сие место Царьград, Седмихолмие наречется, и прославится, и возвеличится по всей вселенной паче иных градов. Но понеже станет между двух морь, биено будет волнами морскими, и поколебимо будет. А орел есть знамение благочестия, а змий знамение зловерия, и понеже змий одоле орла, являет бо ся яко зловерие одолеет благочестие...» Царь же Константин смутился о сем зело.
Древняя повесть о создании Царьград.*

Величественна, таинственна, прекрасна сторона Востока. Она всюду прекрасна: в Инднии, под исполинскими пальмами Ганга и Баррампутера⁵, в зыбучих песках Аравии, в розовых садах Персии, снеговых, горах Кавказа; и на торжище племен и народов, в той части Азии, где на каждом шагу видите вы отломок гробницы прошедшего, где каждый утес и пригорок отрывок из страницы давно минувшего! Сюда стекались они, народы Востока, каждый с хоругвию своей веры, с знамением своего назначения на челе. Здесь прошел в Европу пелазг⁶, с мифами индийскими; египтянин на берега Нила, с тайною пирамид Мемфиса; маг останавливался здесь, с огненным владыкою своим⁷, и после всех явился аравитянин с алкораном. Здесь, среди дебрей Палестины, отозвался голос истинной веры⁸, низошло предвечное Слово на землю, туда, где неведим хранится гроб, единственный, который в день Страшного суда

---

³ Прокопий Кессарийский (ок. 500 – после 565) – истории и политический деятель Византии, родился в г. Кессария (отсюда прозвание – Кессарийский), расположенном в Палестине на берегу Средиземного моря; написал «Историю войн Юстиниана» (545—550. О Юстиниане см. комм. к с. 29), «Тайную историю» (550) и др. Полевой приводит в эпиграфе строки из «Истории войн Юстиниана», которая тогда была известна и как «История моего времени» в как просто «История».

⁴ Царь Константин – Константин I, прозванный Великим, полное имя – Гай Флавий Валерий Константин (ок. 272—337), римский император (306—337). Константинополь (Царьград) был основан Константином в 326 г., с 330 г. столица Римской империи; после разделения империи в 395 г. на Восточную и Западную, – столица Восточной Римской империи (Византии).

⁵ Баррампутер – р. Брахмапутра.

⁶ Здесь прошел в Европу пелазг... – Имеется в виду мифическое племя пеласгов, считавшееся древнейшим на территории Греции, появившееся там при переселении народов еще в доисторическое время.

⁷ ...маг останавливался здесь, с огненным владыкою своим... – Имеются в виду маги – жрецы бога Солнца у мидян, племени, относившегося к индоевропейской народности; мидийцы (мидяне) к 9 в. до н. э. завоевали ряд областей Иранского плоскогорья, а в 6 в. до н. э. овладели северной и северо-восточной частью Малой Азии, почти вплотную подойдя к Босфору; дальнейшее их продвижение было остановлено лидийцами, жившими в западной части полуострова, которые в 585 г. до н. э. нанесли поражение индийцам.

⁸ Голос истинной веры – христианство.

не отдаст никакого праха человеческого на голос трубы архангела⁹. Кирпич Вавилона¹⁰, черта писания персеполийского¹¹, черепок сосуда на берегах Скамандра¹², камень в длинах Багдада, Пальмиры¹³, Иерусалима – все говорит о судьбе народов, о переходах времен, в которых сливаются лета, и остается один символ веков – *время*, по слову Апокалипсиса: «протекло время, и полвремени, и еще полвремени...»

Неужели было *время*, когда эта Азия и эта Европа не были разделены, и житель Иды¹⁴ переходил к Гемусу¹⁵, не думая, что переходит рубеж части света? Неужели лесом, степью и долиною застигались некогда эти волны эгейские, средиземные и эвксинские¹⁶? Неужели грозные вулканы Италии говорят нам о причинах страшного переворота¹⁷, когда разорвалась здесь земля; огонь и вода в кипении борьбы отодвинули на юг Африку и зажгли над нею пламенные лучи солнца, на восток – Азию и велели ей быть колыбелью человечества, на север – Европу и сохранили ее, как страницу, на которой *человек* должен вписать свою *последнюю историю*? И моря скатились тогда с севера и, оставя следы свои в Каспии к Эвксине, как змий извивистый, прокатились Босфором, раздвинулись кипящими волнами между Африкою, Азиею, Европою, протекли между Геркулесовых Столпов¹⁸, закрыли Атлантиду и влились в вечное зеркало солнца, Океан. И все утихло. Только Этна и Везувий загорелись тусклым светильником над рукописью Природы, которой мы разобрать не умеем. Человек пришел к Босфору и, смотря с берегов Востока на возвышенные берега Фракии¹⁹, назвал их *Европою*.

Долго дики были эти берега, пока миф переплывал мимо них на среброрунном воле²⁰ и в корабле аргонавтов²¹, умирал в Орфее²², сражался за похищенную супругу Менелая²³ и умолкал в пещерах Самофракии, храмах Элевзина и в лесах Додона.²⁴

⁹ ...*день Страшного суда... голос трубы архангела...* – Имеется в виду Откровение св. Иоанна Богослова («Апокалипсис»), последняя книга Нового Завета, содержащая в себе пророчество о конце света и неизбежном наказании людей, в соответствии с грехами каждого.

¹⁰ *Кирпич Вавилона...* – Вавилон, столица рабовладельческого государства Вавилонии (19-6 вв. до н. э.); находился недалеко от нынешнего Багдада; разрушен в 539 г. до н. э. персидским царем Киром II (ум. 529).

¹¹ ...*черта писания персеполийского...* – Имеются в виду глиняные таблички с эламским линейным и клинописным письмом (III—I тысячелетия до н. э.), обнаруженные при раскопках древнеиранского г. Персеполя (основан в 6 в. до н. э., находился в 50 км на северо-восток от нынешнего г. Шираз), разрушенного и сожженного в 330 г. до н. э. Александром Македонским.

¹² ...*черепок сосуда на берегах Скамандра...* – Скамандр – древнее название реки Мендерес, протекающей на северо-западе Малой Азии и впадающей в Дарданеллы. В ее низовьях находилась легендарная Троя (III—I тысячелетия до н. э.).

¹³ *Пальмира* (букв. – Пальмовый город) – древний город, находился на территории Сирии (недалеко от нынешнего г. Тадмор); в I—III вв. – крупный торговый центр, был известен своими ремеслами и архитектурой; разрушен арабами в VII в.

¹⁴ *Ида* – гористая местность на северо-западном побережье Малой Азии.

¹⁵ *Гемус*, Гем – фракийское и древнегреческое название Старой Шанины (Балканских гор).

¹⁶ ...*волны... эвксинские* – Эвксин, Понт Эвксинский – Черное море.

¹⁷ ...*страшный переворот...* – Имеется в виду одна из катастроф, которая повлекла за собою гибель легендарной страны-острова – Атлантиды. Споры о характере этой катастрофы и месте, где находилась эта страна, продолжаются до сих пор. Миф об Атлантиде и ее гибели дошел до нас в диалогах «Тимей» и «Критий» древнегреческого философа Платона (427—347 до н. э.).

¹⁸ *Геркулесовы Столпы* – Гибралтарский пролив.

¹⁹ *Фракия* – историческая область, название земли фракийцев, занимавших восточную часть Балканского полуострова, омываемую Черным, Мраморным и Эгейским морями; на юго-западе граничила с древней Македонией.

²⁰ ...*миф переплывал мимо них на среброрунном воле...* – Имеется в виду миф о похищении верховным греческим богом Зевсом красавицы Европы, дочери финикийского царя. Превратившись в быка, Зевс лег у ног играющей на берегу моря Европы; царевна, увлеченная игрою, села на спину быка, который уплыл с нею на остров Крит.

²¹ ...*и в корабле аргонавтов...* – Имеется в виду миф о походе греков на корабле, носившем имя «Арго» (отсюда – аргонавты) в Колхиду (Черноморское побережье Кавказа) за золотым руном волшебного барана.

²² ...*умирал в Орфее...* – Орфей, легендарный фракийский певец, своею игрою зачаровывал даже животных и растения; безуспешно пытался вывести из царства мертвых свою жену Евридику: он не выдержал, оглянулся, и она навсегда осталась там; был однолюбом, чем вызвал ненависть к себе других женщин и был ими растерзан.

²³ ...*сражался за похищенную супругу Менелая...* – Имеется в виду миф о похищении Парисом Елены, который лег в основу «Илиады» Гомера.

²⁴ ...*умолкал в пещерах Самофракии, храмах Элевзина и лесах Додона...* – Самофракия – остров в северной части Эгей-

Тихо и спокойно, иногда бурно и порывисто, протекал Босфор, и века протекали над ним. Развился древний мир Греции и Рима и исчезал под волнами Нового мира, оставляя на поверхности его обломки искусства и законов, развалины силы своей, как семена нового образования, подобно островам Архипелага²⁵, обломкам первобытной, неведомой природы. Новые народы, новые царства теснились там и здесь, здесь и там. Горящим солнцем света возшла истинная вера.

И сюда, на берега Фракии, пришел властитель, утомленный жизнью дряхлого Рима²⁶. Здесь захотел он утвердить столицу мира. По его слову возникли мраморные стены, расцвели очаровательные сады, засветились золотые купола и крыши безмерного города; тысячи людей сошлись отовсюду, с богатствами со всех концов мира; море покрылось кораблями, и изумленные народы называли новый город царя Константина – *Царьград*.

Как он величествен, как он великолепен, этот *Царь-город*, ставший на пределе Европы, опоясанный морями, гордо вззирающий на древнюю, тучную временами Азию! Он грозен, прекрасен и теперь, когда твердыни его уже разрушились, и угрюмый мусульманин сидит владыкой среди развалин его, не умея отвечать на вопросы странника: Где здесь была Святая София²⁷? Где был Ипподром? Где были золотые чертоги греческих царей – и Халкидон, и Кизика, и Ферапия, и Хризополь, очаровательные соседи Царьграда? – «*Един Бог и велик Бог!*» – говорит он и снова задумывается, ни о чем не думая.

Но за *девять веков* до нашего времени Царьград составлял диво народов; слух о нем гремел в отдаленных концах света; от стены Китая шли удивляться столице Греции²⁸. «Мог ли вообразить человек Царьград, если он не видал Царьграда!» – восклицали герцоги и князья Запада, видя его. «Мы на небе!» – говорили северные дикари, присутствуя при совершении молитв в соборе царьградском.

Но, увы! уже и тогда глубоко подмыты были основания Царьграда волнами разрушения; сквозь трещины в твердых его величия зияла бездна, в которую надобно было упасть Царьграду. Православие без веры, великолепие без силы, ум без науки; слава в преданиях, бесславие в делах, гордость при удаче, низость в беде; смуты и крамолы среди царедворцев, смиренно повергавшихся перед троном, и трон, обесславленный пороком, окровавленный убийствами, потрясваемый изменою; войско, гордое именем римлян и составленное из наемных варваров; всюду разврат, хищение, своекорыстие – все за золото, все за корысть: такова была Греция, таков был Царьград в X веке.

Уже Запад был тогда отделен совершенно – и событиями, и жизнью, и верою. Латинский первосвященник обладал Римом²⁹ и западною церковью; потомок дикого германца назывался *римским императором*³⁰, обитая в болотах Лютеции³¹. Славянин и монгол, германец и турок

ского моря, *Элевзин* – Элевсин – город в 22 км от Афин, известный своим культовым святилищем (6-5 в. до н. э.); *Додона* – знаменитый религиозный (культовый) центр (7-1 в. до н. э.), находился в западной части Греции в лесистых отрогах юго-западного склона Пинда.

²⁵ ...острова Архипелага – Архипелаг – название морской византийской провинции, располагавшейся на о. Лесбос и прилегающие к нему мелкие острова; Полевой переносит это понятие на все острова Эгейского моря, принадлежавшие Византии.

²⁶ ...властитель, утомленный жизнью дряхлого Рима – император Константин I Великий, перенесший столицу из Рима в Константинополь (см. комм. к с. 27).

²⁷ Святая София – Софийский собор, воздвигнутый в 532–537 гг. при Юстиниане I (482–565), римском императоре (527–565); главный собор царьградский.

²⁸ ...шли удивляться столице Греции. – Здесь и далее Грецией называется Византия, государственным языком которой был греческий, греки составляли значительную часть ее населения, и территории традиционного их проживания являлись важнейшей составной частью Византии.

²⁹ Латинский первосвященник обладал Римом... – Имеется в виду папа римский, глава светской власти в Риме с 476 г., церковная власть которого распространялась на государства Западной Европы.

³⁰ ...потомок дикого германца назывался римским императором... – Имеется в виду Оттон I (912–973), германский король (с 936 г.), основатель империи (962), которая до 1034 г. называлась Германской, со второй половины XII в. – Священной, а с середины XIII в. – Священной римской империей; титул «римский император» применительно к правителям этой

владели обширными областями греческими, как Лаокоона змеи³², обвивая своею силою царство Константина³³, – и не было ему спасения, не было благовестника, который возвестил бы ему спасение! Победные хоругви сынов Аравии и потомков турка веяли над гробом богочеловека³⁴ и в диком величии не раз приближались к самому Царьграду. И одни ли сии мощные орды? Гордый *булгар* также заставлял Царьград выкупать спасение золотом³⁵; искатель опасностей *варяг*, в утлых ладьях, угрожал Царьграду и брал с него постыдную дань.

И не было спасения! Уже несколько веков на троне царьградском восседали владыки, перед делами которых злодейства Неронов, безумие Гелиогабалов³⁶ могли показаться детскою игрою. Иногда Царьград видел на троне Константина сумасшедших изуверов³⁷, или схоластиков, которые писали наставления, как править государством, спорили о непостижимых таинствах веры и повиновались воле дерзкого евнуха, льстеца ничтожного, управлявшего умом их, сладострастной невольницы, скифянки или армянки. И трон царьградский, казалось, стоял на месте, беспрерывно колеблемом землетрясением, – он страшно колебался, и с него беспрерывно падали³⁸ без различия тираны смелые и властители малодушные...

Время, когда происходили события, которые хотим мы рассказать, казалось однако ж исключением из летописей Царьграда, предшествовавших сему времени и последовавших за ним. Чем же? Или это время освещено было явлением мудрых царей, смелых воителей, восстановленную славою Царьграда? Нет! Оно отличалось тем, что уже *около ста лет* правительствовали Царьградом императоры одного поколения. Убийством чудовища очистив дорогу к престолу, император *Василий Македонянин* твердо сел на нем³⁹, правил царством двадцать лет и передал державу сыну своему *Льву. Премудрым*⁴⁰ назвали Льва за то, что он наизусть знал

империи впервые встречается в 1034 г.

³¹ ...обитая в болотах Лютетии. – Полевой оговорился: имеется в виду Ломбардия (область на севере Италии), входившая в состав империи Оттона. Лютетия – историческое название местности, где находилось кельтское поселение, а затем был основан Париж.

³² ...как Лаокоона змеи... – Имеется в виду сюжет из «Илиады» Гомера – миф о гибели троянского жреца Лаокоона, задушенного вместе с сыновьями двумя огромными змеями. Он был наказан богами, покровительствовавшими грекам, за то, что предсказал горожанам несчастье от коня, оставленного у стен Трои, и пытался остановить их, не дать втянуть коня в город. Боги, заранее предопределив судьбу Трои (внутри коня были скрыты греческие воины – «троянский конь»), не простили жрецу этого вмешательства в намеченный ими ход событий и обрекли его и его сыновей на мучительную смерть.

³³ Царство Константина. – Имеется в виду Византия.

³⁴ ...хоругви сынов Аравии и потомков турка веяли над гробом богочеловека... – Иерусалим, где, по преданию, находится гроб Христа (гроб Господень, гроб богочеловека) – был завоеван арабами в 638 г.

³⁵ Гордый булгар заставлял... выкупать спасение золотом... – Византия платила ежегодную дань Болгарии с 927 по 968 г. ...злодейства Неронов... – Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (настоящее имя – Луций Домиций Агенобарб; 37—68 гг.) – римский император (54—68), отличался жестокостью по отношению к своим противникам; вошел в историю как первый гонитель христиан: обвинив их в поджоге Рима (64 г.), положил начало их преследованию.

³⁶ ...безумие Гелиогабалов... – Гелиогабал, Элагабал – прозвище Марка Аврелия Антонина (204—222), римского императора (218—222), верховного жреца (с 217 г.) бога солнца Элагабала (сирийск. – Гелиогабал); происходил из рода жрецов; «безумной» представлялась современникам и историкам его затея сделать сирийского бога солнца государственным богом на всей территории Римской империи.

³⁷ ...Царьград видел на троне... сумасшедших изуверов... – Имеются в виду императоры, жестоко преследовавшие религиозных противников – Лев III (717—741), Лев IV (775—780), Лев V (813—820) и особенно Константин V Копроним (741—775) и Михаил III (842—867).

³⁸ ...трон царьградский... с него беспрестанно падали... – Подавляющее большинство из 50 византийских императоров, занимавших царьградский трон до описываемых Н. Полевым событий, умерли не своей смертью, став жертвой заговоров и дворцовых переворотов.

³⁹ Убийством чудовища очистив дорогу к престолу... Василий Македонянин твердо сел на нем... – Имеется в виду дворцовый переворот 21 апреля 865 г., в ходе которого фаворит императора Михаила III (842—867) македонский крестьянин Василий (он приглянулся императору своей необычной физической силой и искусством укрощать лошадей) убил соправителя Михаила III – надменного кесаря Варду. Спустя два года, после очередного дворцового переворота, но уже против Михаила III – гуляки и пьяницы, убитого 24 сентября 867 г., Василий (ум. 886) стал императором, получив прозвище Македонянин.

⁴⁰ Лев Премудрый. – Лев VI Мудрый (866—912) – император с 886 г.

все фигуры риторики, все силлогизмы и энтимемы логики⁴¹. Сын его Константин назван был *Порфирородным*⁴², потому что родился в багрянице царской, к изумлению всех, видевших, при восшествии на престол Константина, что уже *третье поколение* одного рода занимает царский престол. Но изумление еще более умножилось, когда еще *два поколения* продолжили на троне род счастливого Македонянина: сын Константина *Роман*⁴³ и внуки, *Василий*⁴⁴ и *Константин*⁴⁵, царствовали один за другим.

И этому дивились греки, называли *благословенным* род Василия за то одно, что этот род, без славы и доблести, сто лет *держался* на зыбком троне Царьграда.

Такова была Греция в X веке, хладнокровно привыкшая к непрерывным царевбийствам и похищениям трона, какими до Василия Македонянина ознаменовалось уже несколько веков царьградской истории.

Между тем, столетнее продолжение Македонского рода на престоле Константина Великого неужели не представило никаких позорных явлений, подобных тем, коими ознаменовались роды Копронимов, Ринотметов, Исавров, Юстинидов, Ираклидов⁴⁶? Нет! Род Василия Македонского также изумлял явлениями безумства, хищений, превратностей судьбы. Но он удерживался на троне, хотя Греция видела, чего не видала прежде, двух, трех, четырех, пятих императоров, теснившихся вместе на престоле Константина Великого.

Какое изменение судеб! Рим великий! Прежде *одному* императору твоему тесно бывало на всемирном троне, а теперь *пять* императоров усаживались на троне империи, носившей твое имя⁴⁷ и едва обладавшей бедными обломками твоего бесконечного царства!

Да, *пять* императоров в одно время. Такая странная судьба предоставлена была Константину Порфирородному. Рожденный в багрянице и младенцем посаженный на престол, только сорока лет сделался он императором не по одному имени. Дядя его, *Александр*⁴⁸, правил во время его малолетства, назначал Константину страшную участь скопца, умер, не совершив злодеяния, и опекунство перешло к матери Константина, императрице *Зое*. Дерзкий вельможа, *Роман Лакапин*⁴⁹, обратил на Царьград войско, вверенное ему для защиты от врагов, объявил

⁴¹ ...фигуры риторики, силлогизмы и энтимемы логики... – Риторика – теория ораторского искусства, красноречия. *Фигуры риторические* – стилистические приемы и обороты, направленные на усиление выразительности речи – повторы, преувеличение (гипербола), нарушение привычного порядка слов в предложении (инверсия) и т. п. *Силлогизмы* – умозаключения, основанные на двух суждениях (посылках), ведущих к третьему суждению (выводу). Например: пресмыкающиеся – ползают; змея – ползает; следовательно, змея – пресмыкающееся. *Энтимема* – сокращенный силлогизм, в котором опущена одна из посылок. *Логика* – наука о формах рассуждений, ведущих к умозаключениям (выводам), о способах доказательств и опровержений.

⁴² *Константин Порфирородный*. – Константин VII (905—959) по прозвищу Багрянородный (т. е. родившийся в багрянице, порфире – императором; багряница, порфира – пурпурная мантия, знак отличия императоров и царей), император-соправитель отца (908—912), император (913—920, 945—959); император-соправитель Романа I (921—944).

⁴³ *Роман II* (938—963) – император с 959 г.

⁴⁴ *Василий* – Василий II Болгаробойца (958-1025) – император с 976; свое прозвище получил за неслышанную даже по тем временам жестокость при завоевании им Болгарии в 1001—1019 гг.; по его приказу ослепляли попавших в плен болгар, оставляя один глаз каждому сотому пленному, который должен был служить другим поводырем.

⁴⁵ *Константин VIII* (960-1028) – император с 1025 г.

⁴⁶ ...роды Копронимов, Ринотметов, Исавров, Юстинидов, Ираклидов... – Династии византийских императоров, названных так по имени первого в роду самодержца. Копронимы, Исавры (Сирийская династия) – годы правления 717—802; родоначальник Лев III Исавр (Сириец; ум. 741); другое название – по прозвищу сына Льва III – Константина V Копронима. Юстиниды – годы правления 518—582; родоначальник – Юстин I (ум. 527). Ираклиды, Ринотметы – годы правления 610—711; родоначальник – Ираклий (ум. 641); другое название по прозвищу Юстиниана II Ринотмета, императора в 685—695, 705—711 гг.

⁴⁷ ...Рим великий!...на троне империи, носившей твое имя... – Византия – другое название Восточной Римской империи, которое она получила по исторической области на побережье Босфора и г. Византию, на месте которого был основан Константинополь (Царьград).

⁴⁸ *Дядя, его Александр*. – Брат Льва VI, император в 912—913 гг.

⁴⁹ *Роман I* (880—948) по прозвищу *Лакапин* (он родился в местечке Лакапа, расположенном в восточной части Малой Азии), император-соправитель (921—944) – см. комм. к с. 30.

себя императором, оставил Константина на троне, и *три сына Романовы*⁵⁰ были облечены в императорскую багряницу вместе с ним: *пять императоров* царствовали таким образом, если не считать еще развратной *Елены*, дочери Романа, супруги Порфирородного. Неблагодарные дети похитителя наскучили, наконец, разделенною властью, восстали, свергли старого отца; пустынная обитель, на одном из отдаленных островов Архипелага⁵¹, приняла на весь остаток жизни несчастного честолюбца. Он печально бродил по берегу острова, когда вдали забелелись среди волн эгейских паруса императорской галеры; она пристала к берегу, и старик увидел детей своих, которым Елена назначила такую же участь, на какую они осудили своего отца. «Упрекать ли мне вас, неблагородные?» – спросил Роман. Он остановился, улыбнулся горестно и позвал детей в келью разделить с ним обыкновенный обед его: кусок хлеба и кружку воды. Отец и дети умерли, забвенные всеми, а Константин царствовал, пока *Роман*, юный сын его⁵², не наскучил долговременною жизнью отцовскою. Яд прекратил дни Константина, и этот яд поднесен был ему рукою сыновнею! Через три года яд прекратил дни юного Романа, и этот яд поднесен был ему рукою супруги его *Феофании*⁵³...

Роман представлял собою странную прихоть природы: красоту телесную, какой не много видали – это был Антиной⁵⁴, Аполлон Бельведерский⁵⁵, – и безобразие душевное, редко встречаемое в такой ужасной степени. Раб страстей, невольник своего гинекея, Роман изумлял удивительною силою и ловкостью в играх Ипподрома, изумлял и развратом, и безумною роскошью! Феофания, бедная девушка, красоты необыкновенной, возведена была им на трон, в нарушение всех приличий Двора, и страшно ответила за эту почесть своему неверному супругу.

И опять *четыре императора* восседали на троне царьградском: *Феофания* правила самовластно государством; два малолетних сына ее, *Василий* и *Константин*⁵⁶, носили название императоров. Феофания отдала руку свою *Никифору*⁵⁷, полководцу императорских войск, и он был облечен в императорскую багряницу.

Таково было состояние царьградского двора, когда греки считали 6477-й год от сотворения мира, или 969-й от воплощения Бога слова⁵⁸; индикт⁵⁹ был 13-й, а золотое число и пасхальные знаки обещали благоденствие царю и царству, по вычетам мудрых звездозаконников.⁶⁰

В самом деле, если бы странник, с Запада или Севера, был сонный перенесен, прямо из своего Запада или Севера, и проснулся в стенах Царьграда, он мог бы подумать, что звездозаконники не обманулись, предвещая славу и благоденствие Царьграду.

⁵⁰ ...*три сына Романовы* – сыновья Романа I – Христофор (ум. 931), Стефан (ум. 945), Константин (ум. 945)

⁵¹ ...*пустынная обитель, на одном из отдаленных островов Архипелага*. – Неточно. Роман I Лакапин был сослан на о. Прот – один из Принцевых островов Мраморного моря, находившихся напротив Константинополя.

⁵² ...*Роман, юный сын его*... – император Роман II (см. комм. к с. 30).

⁵³ *Феофания* – Феофано (девичье имя Анастасия), дочь трактирщика, жена Романа II с 956 г.

⁵⁴ *Антиной* – юноша, считавшийся идеально красивым, любимец римского императора Адриана II (76-138), в 130 г. утонул в Ниле; в честь него был создан город Антинополь, сооружен храм, отчеканены монеты, изваяны статуи.

⁵⁵ *Аполлон Бельведерский*. – Мраморная скульптура юного красивого греческого бога солнечного света Аполлона, созданная во второй половине 4 в. до н. э. с греческого бронзового оригинала; мраморная копия хранится в Ватикане. *Бельведерский* (итал.) – прекрасный вид.

⁵⁶ *Василий* и *Константин* – сыновья Романа II (см. комм. к с. 30).

⁵⁷ *Никифор II Фока* (912—969) – император с 963 г.

⁵⁸ ...*969 от воплощения Бога слова* – т. е. от рождества Христова; наше современное летосчисление.

⁵⁹ *Индикт* – летосчисление, в основу которого положен 15-летний цикл.

⁶⁰ *Звездозаконники* – астрологи.

Он не видал бы следов гибели и разрушения по всем *Фимам*⁶¹, или областям греческого царства; не видал бы шатров сарацинских⁶² и кибиток монгольских близ мраморных стен полуразрушенных городов, некогда столь великих, столь громадных; не видал бы потомков римлянина в рабском одеянии, в цепях, с колодками на шее⁶³, под бичами сурового иноверца, влекомых в отдаленные страны Азии и Скифии, дев Пелопонеза⁶⁴ и Архипелага в зверских объятиях поганого язычника...

Он увидел бы только обширный, безмерный город, столицу потомков Константина, роскошно и великолепно восседающий на краю Европы. С одной стороны лелеют его волны Пропонтиды, или Мраморного моря, с другой ласкаются к нему валы Эвксина, через пролив Георгия Победоносца, или Босфор Фракийский, вливаясь далеко в землю, с восточной стороны города, и образуя собой гавань *Золотого Рога*, или *Рог изобилия*. «Дайте мне то, что хранится в этом роге изобилия, и я куплю полмира», – сказал бы чужеземец, смотря на бесчисленное множество кораблей, с мехами Скифии, багрянницами и паволоками Вавилона, хлебом Архипелага, золотом Азии. Двойной ряд стен окружает Царьград, и через них видны верхи *пятисот* церквей православных. Ужасные машины воинские на стенах и опускные мосты, по которым можно грянуть прямо на корабли, дерзнувшие приблизиться своевольно к Царьграду, грянуть и попалить их неугасимым греческим огнем⁶⁵; ров, глубокий, как дно моря, который, раздвинув плотины, можно мгновенно наполнить водою; тридцать двою железные ворота, замыкающие пространство *пятидесяти верст* и делающие правдоподобными басни о стенах Вавилона и стовратных Фивах⁶⁶; железная, тяжелая цепь, по морю перегораживающая отверстие Золотого Рога и уничтожающая все покушения неприятелей; блестящее войско по стенам, крепкая стража у Золотых ворот⁶⁷, сверкающих позолоченным своим верхом, и – возвышающийся среди всего этого необъятный купол *соборного храма Святой Софии* – таков представился бы Царьград взорам изумленного странника.

Но пусть идет он в самый Царьград, пусть увидит его обширные площади, уставленные статуями и чудесами искусства, которые веками собраны с Египта, с Италии, с Азии, с Греции, как знаки величия царьградских властителей. Пусть исчислит странник великолепные громады зданий, под сводами которых проходят целые улицы и гнездится многочисленное народонаселение, когда под сими сводами возносятся висящие сады вельмож и богачей и палаты их, убежища неги и роскоши, как будто на земле уже недостает места строить здания для царьградских сатрапов... А торжища Царьграда, где толпятся купцы Багдада и Киева, Александрии и Марсея, слышны двадцать наречий и языков, как при столпотворении вавилонском? А эти базары, где потомок Мугаммеда сидит на своем верблюде, с мешком алмазов, потомок славянина указывает на груды соболей и куниц, и дикий готф⁶⁸ раскладывает куски янтаря, извле-

⁶¹ *Фима*, *фема* – единица административного деления; провинция, область.

⁶² ...*шатров сарацинских*. – Сарацинами в то время называли арабов.

⁶³ ...*с колодками на шее*... – Колодки – деревянные кандалы, состоявшие из двух соединявшихся досок (колод – отсюда название) с одним (для шеи) или двумя (для ног) отверстиями, которые надевались на пленников или арестантов, чтобы те не смогли убежать.

⁶⁴ ...*дев Пелопонеза* – т. е. гречанок.

⁶⁵ *Греческий огонь* – зажигательная смесь из нефти, смолы и серы, которую выбрасывали (выстреливали) на вражеские корабли из специального устройства – расширяющейся трубки (сифона); впервые был применен в 673–674 гг. при осаде Константинополя арабами; секрет приготовления держался в строжайшей тайне; изобретатель – сирийский архитектор Каллиник (Калликон).

⁶⁶ ...*басни о стенах Вавилона и стовратных Фивах*... – Согласно легендам стены Вавилона были настолько мощны, что по ним свободно передвигалась колесница, запряженная четверкой лошадей. Фивы – древнеегипетский город, находился в верховьях Нила, неподалеку от совр. г. Карнак и Луксор; названы «стовратными» в «Илиаде» Гомера в отличие от «семивратных» Фив, расположенных на территории Греции.

⁶⁷ *Золотые ворота* – парадный въезд в Константинополь, находившийся в юго-западной части городских стен.

⁶⁸ ...*дикий готф*... – готы, восточногерманские племена.

ченные из недр Мурманского моря⁶⁹ и собранные на берегах Венедских⁷⁰, или в лесах Боруссии⁷¹! А лавки и магазины греческих и восточных купцов, сверкающие, как будто звездами, драгоценностями, когда их осветят вечером разноцветным огнем?

Но что их великолепие против великолепия святых храмов Божьих, где самоцветные камни, муссия и золото рассыпаны щедрою рукою благочестивых дателей! Он повторит восклицание: «Мы на небе!» – присутствуя в сих храмах, когда безмолвно преклоняются пред величественными иконостасами тысячи людей, растворяются *царские врата* алтарей, святители возносят золотые сосуды с божественными дарами, возглашая: «От всех и за вся!» – и сладкогласные хоры оглашают своды храмов звуками смиренного *Кири элейсон* (Господи, помилуй!).

Пусть взоры странника остановятся и на *пяти* исполинских чертогах императоров греческих – *Влахерне*, от которого в волны Золотого Рога спускаются ступени мраморных крылец; *Вукалеоне*, который приветствуют взорами мореходцы, приближаясь к Царьграду и удаляясь от него. Пусть подивится он рассказам тех, кто был допускаем во внутренность сих чертогов, видел их золотые *триклинии* и багряные *гинекеи*, заглядывал в их бесконечные подземелья и удивлялся обширности стен их, множеству дворов, в которых оружейные палаты, церкви, казнохранилища, торжественные врата, порфирные столпы⁷², брызжущие прохладой водометы и цветистые сады, отдельные торжища, места для житья и собраний царедворцев и вельмож, представлялись им дворцы Вукалеонский и Влахернский волшебными жилищами, созданными волею чародея...

Но странник утомлен... Пусть остановится он на мысе, разделяющем волны Пропонтиды от волн Георгиевских, и с террасы Вукалеона взглянет на необозримое пространство берегов Европы и Азии, сплошь усеянных загородными домами и садами императора и вельмож, монастырскими обителями, селениями, виноградниками, обширными городами, составляющими предместья – *Халкидоном*, *Хризополем* (Скутари), *Галатою*. Далеко из вида его уходят пленительные окрестности Царьграда, где искусство спорит с природою, величие с прелестью, как будто не зная, кто из них более обогатил семихолмную столицу Константина. Царьград, как и Рим, также был построен на *семи* холмах.

Наконец, если странник наш взглянет в бесчисленное народонаселение Царьграда; в бесконечное движение на его улицах, торжищах, пристанях, в его предместьях и окрестностях, в эту общественную жизнь, живую, страстную, где сила, выражаемая мужественными лицами мужчин, равняется прелести, выражаемой красотою лиц женских; если он вслушается в эту смесь веселья и набожности, звон колоколов, сливающийся с сладкоголосными песнями народа, весело гуляющего по берегам и беспечно бегущего, в раззолоченных ладьях, искать прохлады и неги на берегах Азии, и опять стремящегося оттуда на берег Европы, в свой золото-мраморный Царьград; если он оглянется на вечно яхонтовое небо⁷³, откуда лучи солнца как будто любят гладкую, зеркальную поверхность Пропонтиды, и кипят пурпуром и золотом в лимонах и виноградах тучной почвы византийской – он скажет, что Царьграду определено быть *столицею мира*.

Видя Царьград, видя, как среди его народонаселения движутся беспрерывно дружины воинов, то в золотых, то в богатых цветных одеждах, движутся и покорные, наемные варвары, умножая собою разнообразное величие войск императорских и нося на плечах стальные варяжские секиры, скифские железные бердыши; видя притом ряды сих воинов в преддвериях Вла-

⁶⁹ Мурманское море – Норвежское море.

⁷⁰ ...на берегах Венедских – побережье Балтийского моря, Прибалтийские земли.

⁷¹ Боруссия – новолатинское название Пруссии.

⁷² Порфирные столпы – колонны из порфира, горной породы, образовавшейся в результате застывания лавы, в которой сочетаются вулканическое стекло, кристаллы и другие включения; аналог гранита.

⁷³ Яхонтовое небо – голубое.

херна и Вукалеона, кипящих движением царедворцев, гордых, великолепных, сопровождаемых многочисленной свитой, на аравийских, облитых золотом, униженных жемчугом конях, или в блестящих колесницах; видя, наконец, как все благоговейно преклоняют головы и колена при одном имени *императора* – что подумает странник об этом незримом владыке, повелителе Царьграда? Не вообразит ли он его *земным Богом, посланником Бога небесного, Христом* – как называли императоров⁷⁴ своих греки? Не скажет ли, что этот владыка, по величию своему, достойный преемник тех владык *вечного города*⁷⁵, которых умоляли народы о позволении воздвигать им при жизни алтари? «Победа, сила, слава и величие должны венчать его, и имени его должны трепетать отдаленные народы». – Так подумает странник.

И в самом деле, в то время, которое избрали мы для нашего повествования, властитель царьградский казался велик и славен не одним только величием и великолепием Царьграда. Победа и завоевания приветствовали Грецию на полях Сицилии и Малой Азии. Блестящие воинские подвиги открыли Никифору путь к престолу. Завоеватель Крита⁷⁶, еще бывши императорским воеводою, он в торжественном триумфе въезжал в Царьград, и современники его с изумлением описывали сей триумф. «Золота, серебра, золотых монет⁷⁷, одеяний, испещренных золотом, багряных ковров и разных драгоценных вещей, с чрезвычайным искусством сделанных, блестящих дорогими камнями, доспехов, шлемов, мечей, брони, изукрашенных золотом, копий, щитов и тугих луков столь великое было множество, что всякий сказал бы, что все богатство земли неприятельской было тогда снесено на площадь, и подобно было втекающей, так сказать, в Царьград глубокой реке сокровищ» (Лев Диакон.). Выбор Никифора в императоры последовал среди воинского лагеря, который поставил он на полях Каппадокии⁷⁸. Облеченный в императорскую порфиру, Никифор, в течение пятилетнего своего царствования⁷⁹, мало обитал в чертогах царьградских. Повелевая многочисленными воинствами, вечно в лагере, он заставлял трепетать врагов Греции, и потомки халифов ужасались, слыша, как города десятками покорялись его оружию, как пали перед ним Мопсуестия и Тарс Киликийский⁸⁰, 200 000 мусульман погибли в один день под мечами греков на берегах Соруса⁸¹, в то время, когда флот египетский тщетно спешил на спасение своих единоверцев. Но ни одно завоевание не было так славно, как завоевание Антиохии⁸². Когда ворота Мопсуестии привезены были в Царьград и вделаны в городские стены, как памятник подвигов императора, пришла весть о взятии Антиохии – *третьего* города в мире, после Рима и Царьграда, по своему величию и богатству. Затем пал Алепп⁸³, место пребывания гамаданских властителей⁸⁴, обладавших древней Месопотамией. Три палаты, наполненные драгоценными оружиями, тысяча четыреста мулов в конюшнях и триста мешков золота и серебра в казнохранилищах достались победителям в одних только чертогах властителя алеппского. Добыча в городе была бесчисленна. Недо-

⁷⁴ ...Христом – как называли императоров... – Христос (греч.) – помазанник; императоров и царей по традиции почитали «помазанниками Божиими».

⁷⁵ Вечный город – Рим.

⁷⁶ Завоеватель Крита. – Столица критских арабов г. Хандэк была взята в марте 961 г. после семимесячной осады.

⁷⁷ «Золота, серебра, золотых монет...» – Цитата из второй книги, гл. 8, «Истории» Льва Диакона (ок. 950 – после 996) – известного византийского историографа. Здесь и далее Полевой цитирует по изданию: «История Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей» СПб., 1820. Новейший перевод см. в кн.: *Лев Диакон. История*. М., 1988.

⁷⁸ Каппадокия – историческая область, находилась в центральной и юго-восточной части Малой Азии.

⁷⁹ ...в течение пятилетнего своего царствования... – Никифор царствовал 6 лет и 4 месяца.

⁸⁰ Мопсуестия и Тарс Киликийский – города на юго-востоке Малой Азии. Мопсуестия (совр. Мисис, Турция) – была взята 13 июля, а Тарс (совр. Тарсус, Турция) – 16 августа 965 г.

⁸¹ Сорус (Сар) – древнее название реки Сейхан (Турция); впадает в Мерсийский залив Средиземного моря.

⁸² Антиохия (совр. Антахра на р. Оронт, Турция) – была взята 28 октября 969 г.

⁸³ Алепп (Алеппо, Халеб) – город на северо-западе Сирии; был взят в 962 г.; по договору 969 г. эмир Алеппы обязался выплачивать Византии дань.

⁸⁴ Гамаданские властители. – Имеется в виду арабская династия Хамданидов.

ставало лошадей и мулов вести ее. Более *ста городов* было, наконец, отнято из рук мусульманских. Никифор перенес оружие за волны Евфрата, уже повелевая горными хребтами Тавра и Амана. Багдад ожидал неизбежной гибели и беспощадной мести. Но важные занятия удерживали императора в Царьграде, где одним взглядом своим укротил он бунт⁸⁵, восставший между народом. Мужественный брат императора, *Лев*, украшенный званием *Куропалата*⁸⁶, был правою рукою его в Азийских победах, когда другой брат, *Эммануил*⁸⁷, вырвал у африканских варваров древние Сиракузы⁸⁸, возобновляя славу побед Велизария⁸⁹ на итальянских берегах, а дети Льва, *патриций Никифор* и Дука Бард, торжествовали в Эдессе⁹⁰ и Гиерополе. Голос народа назвал императора утреннею звездою побед и гибелью сарацинов, и льстецы говорили, что гром завоеваний его потрясает своды небес и отдается во всех концах вселенной.

Между тем, суровый воитель, облеченный в багряницу Августа⁹¹, казалось, не слышит лстивых восклицаний царедворцев и народа. Удаленный в тайные чертоги Вукалеона, он, мрачно и задумчиво, один ходит по золотым палатам дворца. Никто не смеет предстать пред его взорами; никто не знает: какие думы тревожат душу Никифора? Оставляя другим веселье и забавы, он не участвует в роскошных пирах царедворцев и супруги своей. Когда звуки музыки и песен потрясают своды чертогов императрицы, Никифор остается в своем царственном уединении. Видят тайные созерцатели дела его, как нередко, повергаясь перед образом Спасителя, он облачается во власяницу и со слезами молится. Оставляя пышное ложе императорское, нередко спит он на простом красном войлоке и барсовой коже среди золотой ложницы своей, покрываясь на ночь ветхою рясою св Михаила Малеина⁹², дяди своего, инока, заживо прославленного благодатию чудес и умершего праведно и свято. Но о сих тайнах благочестия и смирения императорского едва ли смеют говорить шепотом, и едва дерзают прибавлять к тому, что никогда еще император не казался столь угрюм, суров и мрачен. Что тревожит его? Неужели слухи о поражении греков в Сицилии⁹³ и движениях варваров на Дунае⁹⁴? Но может ли беспокоиться о том грозный покоритель Антиохии, Тарса и Алеппа! Или затмение солнца смутило ум его, затмение столь дивное, что звезды показались среди белого дня, и изумленный народ со страхом ждал беды и злополучия, предвещаемых сим небесным знамением? Но Никифор, крепкий верою в Бога, выше суеверных опасений. Достовернее всего было мнение тек, которые приписывали тайную скорбь императора кончине родителя его *кесаря Барды*, мужа маститой старости, украшенного мирными добродетелями и воинскими подвигами. Император, не осушая глаз, пешком шел за гробом его. Но ему ли, христианину, печалиться о блаженном успении

⁸⁵ ...одним взглядом своим укротил он бунт... – Весною 969 г. было два «бунта»: один, на Пасху, вылился в вооруженное столкновение армянского отряда и константинопольских моряков; другой – сорок дней спустя, в Праздник Вознесения, когда толпе людей, недовольных тяжелым положением, сложившимся после засухи 968 г., и спекуляцией хлебом родственниками и приближенными императора, забросала на рынке Никифора камнями и комьями грязи.

⁸⁶ *Куропалат* – один из высших светских титулов; четвертое по значению лицо в империи, не считая императора.

⁸⁷ *Эммануил* – Мануил Фока, патрикий, двоюродный брат Никифора.

⁸⁸ ...вырвал... древние Сиракузы... – Полевой не точен: поход начался в октябре 964 г., византийские войска с ходу овладели Сиракузами и другими городами на о. Сицилия, но после, во время преследования противника, отошедшего в горы, Мануил был убит, а его войска разгромлены, спастись и вернуться на родину удалось немногим.

⁸⁹ *Велизарий* (505—565) – византийский полководец, германец по происхождению, проводил в жизнь политику Юстиниана I, направленную на восстановление Римской империи; в 533—534 гг. разгромил королевство вандалов, известных своими грабежами (отсюда «вандализм»); вел войну с остготами (535—540, 544—548) за освобождение Италии; в 542 г. сдерживал наступление персов, а в 559 – гуннов.

⁹⁰ *Эдесса* (ныне Урфа, Турция) – город в Месопотамии; *Гиерополь* (Гиераполь) – город на р. Евфрат (Сирия) – были взяты византийцами в 966 г.

⁹¹ ...багряницу Августа... – Август (лат. – возвеличенный) титул римских императоров; багряница – см. комм. к с. 30.

⁹² ...св. Михаил Малеин (ум. 961) – дядя Никифора II Фоки по материнской линии; став в конце жизни монахом, Прославился своим аскетизмом.

⁹³ ...слухи о поражении греков в Сицилии... – см. комм. к с. 36.

⁹⁴ ...и движениях варваров на Дунае. – Имеется в виду появление на Дунае русских войск в 968 и 969 гг. под водительством Киевского князя Святослава (см. комм. к с. 191).

родителя, когда при том сей родитель, умирая, назвал себя счастливейшим из отцов и говорил, что если сыновья его будут скорбеть об его смерти, то оскорбят его среди блаженства, которого надеется он от милосердия Божьего!

Так причина мрачности и тайного уныния императора Никифора оставалась непостижимой для самых приближенных к нему особ. Народ ничего не замечал. Никифор являлся среди народа в прежнем, недоступном величии. Взоры подданных не смели останавливаться на лице его и смиренно клонились долу. Притом, казалось, что он оживал, развеселялся, когда выезжал к своему войску, собранному на воинские игры и ученье, когда начинал с ним говорить о трудах и походах, вместе совершенных, о новых победах, каких надеется от милости Божией, от их усердия и храбрости. Весел становился Никифор, взирая на быстрые движения воинов, совершаемых, в тяжелых доспехах, при звуке труб, при громе бубнов и кимвалов, взирая, как смело мчатся воины его на конях, метко стреляют из луков и ловко действуют копьями. Грусть его рассеивалась еще, когда вступал он в храмы Господни, которые посещал ежедневно, усердно повергаясь в молитве перед царем царей. Но тщетно звала его Феофания на великолепные пиры свои, где прежде являлся он, редко, но являлся однако ж, и ласковым приветом ободрял веселость собеседников.

Вдруг, неожиданно, глашатаи поехали по Царьграду и при звуке труб возвестили, что завтрашний день император назначает свой торжественный выезд в храм Св Софии, прием послов, прием двора и игры Ипподрома. Весь Царьград взволновался. Только три раза со времени восшествия на престол Никифора были объявлены такие торжественные дни. Он въезжал в Царьград неоднократно победоносным *триумфатором*, но не любил являться народу в величии, какое лести и рабство придумали для императоров греческих. Народ, напротив, любил такие выезды, приученный к роскоши и великолепию прежними властителями. Тут был случай богачам показать все свое великолепие, своих многочисленных невольников, золотые колесницы, парчи, паволоки на балконах чертогов; вельможам и царедворцам играть важную роль в глазах народа, когда при победных триумфах только воины-победители окружали императора, а царедворцы являлись в бессильном унижении перед последним сотником. Наконец, радовались все купцы, торгаши, все содержатели постоялых домов и гостиниц – одни не успевали наготовиться дорогих тканей, одежд, ковров, украшений; у других места недоставало для множества народа, стекавшегося тысячами из окрестностей Царьграда. А сто тысяч праздных тунеядцев, мошенников, негодяев, которым нечего было есть, которые просыпаясь поутру не знали: найдут ли себе в этот день кусок хлеба или должны умереть голодной смертью? И другие сто тысяч тунеядцев, которые не знали, что делать, потому что не ведали, куда девать им время и богатство? Какое благодеяние для всех таких людей все торжественные дни, публичные зрелища и гулянья! Театров не было в Царьграде; бульваров и отдельных гуляньев тогда не знали. Роскошь и праздность укрывалась в уединения чертогов, и злые люди говорили, будто от того всегда наполнены были церкви царьградские народом, что этому народу некуда было деваться от скуки. Нередко богачи тратили огромные суммы для народных увеселений, заставляя народ петь, плясать, есть, пить, драться, и любясь, развлекаясь таким зрелищем. Словом: весь Царьград зарадовался, закипел деятельностью, зашумел при известии глашатаев. Необходимые приготовления начались с раннего утра: мели улицы, поливали их водою, украшали дома; войско двигалось в назначенные места блестящими легионами; всякий, кто занимал какое-либо место или исполнял какую-нибудь должность, спешил к своему назначению, а толпам народа, входившим в Царьград, бродившим по улицам, занимавшим места в храме Св. Софии, и в Ипподроме, и на площадях, где должен был проезжать император, не было ни числа, ни меры.

Великое стечение народное теснилось особенно у врат дворца Вукалеонского. Никого не пускали в дворцовую ограду, ибо, несмотря на обширность места, едва помещались в нем придворные, чиновники и их провожатые, их кони и колесницы. Полк Бессмертного легиона рас-

ставлен был около самого дворца; златоносные латники стояли по ступеням главного крыльца; председатель заняли ратники стальноносные.

Между тем, все золотые, мраморные и порфирные залы дворца, составлявшие прямое, длинное протяжение, до самого входа в Священную залу, где воздвигнут был трон императорский, наполнились чиновниками, военными, гражданскими, придворными, духовными. В строжайшем порядке, по чинам и местам, расставлены были все присутствовавшие; глубокое молчание наблюдал каждый, ибо слово, вслух произнесенное, почиталось оскорблением величия и святости императорского жилища, если было произнесено не по приказу императора.

Звон колоколов, огласивший весь Царьград, возвестил выход императора из внутренних его чертогов. Сотни тысяч людей крестились в это мгновение, говоря! *«Господь, да сохрани твое вхождение и исхождение твое»*.

Шествие началось множеством черных невольников с обнаженными, кривыми саблями на плечах. Затем следовали невольники белые, евнухи, пажи императорские, дружина фаргатов, или чужеземных воинов. Державу и скипетр несли на подушках *протоспафарий* (фельд-маршал) и *Великий дукс* (адмирал), как будто знаменуя, что на войске и флоте основывается сила государства. *Великий протовестиарий* – главный начальник всех обрядов и церемоний, с серебряным жезлом в руках, следовал за ним. Четыре *силентиария* (повелители молчания) громогласно провозглашали: *«Благословите и молчите!»* – Шепотом повторило все собрание: *«Осанна! благословен грядый во имя Господне!»*. Шепот пролетел, как порыв вихря, и замолк. Все головы преклонились; руки присутствовавших сложены были на груди.

Мы не станем описывать, кто и как сопровождал императора, кроме людей упомянутых нами; как происходили разные мелочные обряды шествия; как достиг император до Священной тронной залы. Отсылаем любопытных к огромной книге, в которой Константин Порфирородный, на память потомству, в научение сыну своему, собрал и изъяснил все обряды царьградского двора, назвав свое сочинение: *Σύνταγμα*. Константин написал еще несколько книг: о правлении государством, о состоянии Греции⁹⁵. Но, кажется, ближе всех к сердцу его были *«Синтагмы»*⁹⁶ его, где подробно говорит он об обрядах благоговения, указном почтении, уставах церемоний двора царьградского. Что делать! *Править государством* был он небольшой знаток, а *знать обряды* учился с самого детства, глядя на государство свое только из портиков Вукалеона и Влахерны...

Впереди императора Никифора шли два отрока, единственные потомки Македонского рода. Императоры *Василий* и *Константин*, в белых одеждах, с золотыми повязками на голове. Оба они казались одинаких лет, но уже можно было заметить разницу между двумя братьями. Один, прозванный впоследствии *Ужасом Булгаров*⁹⁷, был суров и угрюмо смотрел на все его окружавшее, как будто спрашивая: *«Найду ли среди вас таких, кто стоил бы моего правления?»*. Другой, дитя до старости, и тогда казался уже изнеженным, избалованным сатрапом; женоподобный, нежный, слабый по виду, он невнимательно смотрел на свои красные сандалии – знак отличия императорского, любовался блеском и пышностью двора и взором своим как будто спрашивал окружающих: *«Неужели никто из вас не возьмет на себя труда править мною и вместо меня?»*

Другую противоположность составляли сам император *Никифор* и императрица *Феофания*, шедшие рядом. Он, с мрачным, смуглым лицом, с нависшими бровями, из-под которых сверкали черные глаза, всегда выражавшие глубокую думу или холодное презрение – с бородою, падавшею на грудь, густою, черною. Почти шестидесятилетний старик, Никифор казался

⁹⁵ ...о правлении государством, о состоянии Греции... – Имеются в виду книги Константина VII «Об управлении империей» (948—952) и «О фемах» (фема – см. комм. к с. 32).

⁹⁶ «Синтагмы» – Имеется в виду книга «О церемониях», приписываемая Константину VII Багрянородному.

⁹⁷ *Ужас Булгаров* – Василий II Болгаробойца (см. комм. к с. 30).

еще старее, удрученный походами, трудами, заботою государственною; седина пробивалась на его бороде и густых черных волосах; рубец на щеке был свидетелем, что он не щадил себя в битвах; но впрочем, высокий, широкоплечий, Никифор казался Геркулесом, несмотря на свою старость, даже и в цветном, блестящем одеянии императорском, казался Геркулесом, пойманным Деянирой⁹⁸ и одетым по ее прихоти в роскошное женское платье. Его Деянира – *Феофания*, была красавица, высокая, стройная, прелестная женщина. Двадцати пяти лет от роду, она казалась гораздо моложе; трудно было найти у кого-нибудь белее и нежнее лицо, пламеннее глаза, ласковее, сладострастнее взор, стройнее ручку и ножку и очаровательнее все движения. Феофания была отличная певица, танцевала, как индийская баядерка, и тайно говорили между собою, знавшие Феофанию до возведения этой красавицы на императорский престол, что не однажды служила она моделью для ваятелей и живописцев, хотя строго запрещено было законами подобное безнравственное дело. И теперь, хотя все головы были преклонены и никто из присутствовавших не смел возвести взоров своих на императора и императрицу, глаза Феофании, казалось, искали: кого бы можно было утешить им за скуку принуждения? И в то же время гордая поступь и самый этот снисходительный взор готовы были напомнить дерзкому, который самовольно осмелился бы взглянуть на Феофанию, что он видит перед собою повелительницу миллионов, супругу императора царьградского.

Император неожиданно остановился в зале, находившейся перед самою тронною, где собраны были знатнейшие вельможи. Он обратился к одному из присутствовавших в этой зале. Казалось, что это вельможа, удостоенный такой необыкновенной милости, был до того времени чужд всем царедворцам. Он стоял в удалении от других, хотя и наряду с знатнейшими. Это был человек небольшого роста, лет сорока пяти, в полной силе мужества, что доказывали его прекрасное, выразительное лицо, его жилистые руки, широкие плечи. Русые волосы его падали кудрями по плечам и рыжая, небольшая борода оттеняла свежие румяные щеки. Богатая одежда являла знатный сан его, и когда Никифор остановился против него, преклонясь низко пред императором, смело поднял потом этот царедворец свои быстрые голубые глаза на угрюмое лицо императора. Но Никифор не сказал ни одного слова, только изъяснил рукою привет, и вошел в тронную; багряные завесы раскрылись перед ним и опустились снова, едва только императоры и императрица прошли сквозь мраморную арку, отделявшую тронный зал. Все, что предшествовало им, оставалось в разных залах, так что в тронную вступили только *протоспафарий* и *дукс*, с державою и скипетром, *Великий протовестиарий*, *Великий доместик* (первый министр), *Великий куропалат*, брат императорский Лез и *Великий логофет* (главный казначей).

Трудно было разгадать, что за чувство изображалось на лице вельможи, удостоенного приветом императорским перед тронною залю. Говорили, что при царьградском дворе изобретено было особенное искусство – улыбаться не смеясь и глядеть не смотря, и что не изучивший вполне сего искусства не должен являться ко Двору. Насмешка эта основана была на том, что царьградские греки умели прикрывать улыбкою все – гнев, печаль, злобу, раскаяние, улыбались, поднося яд врагу, улыбались, рабствуя перед волею своих повелителей, улыбались, терзаемые по их приказу. Обязанность потуплять глаза и преклонять голову перед каждым, чем-либо превышавшим других, заставляла прибегать к необходимости глядеть таким образом, чтобы можно было видеть все и всюду, заметить улыбку властителя и угрожающий взгляд неприятеля, когда, казалось, глаза были потуплены в землю.

⁹⁸ ...казался Геркулесом, пойманным Деянирой... – Согласно греч. мифологии Геркулес (Геракл), находясь в загробном мире, куда был послан за стражем подземного царства – трехглавым Псом Кербером (Цербером), в царстве теней встретил тень Мелагра – одного из героев греч. мифов, которому обещал стать защитником его сестры Деяниры и жениться на ней; вернувшись на землю и встретив Деяниру, Геракл был пленен ее красотой, принял участие в состязании женихов, победил всех претендентов и получил ее в жены.

Так и вельможа, удостоенный мимолетного привета императорского, улыбнулся, оживил весельем лицо свое, как будто восторг наполнил его душу. Но кто взгляделся бы в его светлые глаза, тот заметил бы, что гнев и негодование скрытно отразились в этих глазах, заметил бы и руку, невольным, судорожным движением коснувшуюся золотокованого меча; нижняя губа рта его едва заметно задрожала. Но через мгновение все исчезло; он благоговейно поднял взоры к небу, как будто взоры его оживлялись благодарением царю небесному за неожиданную милость царя земного. Любопытно было еще видеть, как, не двигаясь с мест своих, все умели изъяснить этому человеку свою радость, свой привет, взорами и улыбкою, выражением лиц, как все, до сей минуты отворачивавшиеся от этого человека, явно показывавшие ему свою холодность, даже свое презрение, вдруг изменились... И все произошло оттого только, что император, проходя мимо, ласково приветил его рукою, даже не сказавши ни одного слова...

Но в эту минуту загремели трубы, литавры, кимвалы, и, при пении духовного гимна, багряные завесы тронной поднялись; великолепная, освещенная утренним солнцем, тронная явилась в полном величии. На возвышенных ступенях, покрытых золотыми бархатами, видны были два драгоценных трона, и на них восседали Никифор и Феофания; с одной и другой стороны восседали на малых тронах Василий и Константин. Скипетр и держава были в руках Никифора. Его корона горела в бриллиантах, когда на Феофании и детях ее были только кованые золотые венцы. Балдахин над тронами составляло серебряное дерево, с серебряными, золотыми и из драгоценных камней сделанными листьями, плодами, птицами. Все это, простираясь в тысяче ветвей от древесного пня, составлявшего основание трона, сплеталось густою беседкою под самым потолком. Два золотые льва, с изумрудными глазами, видны были по обеим сторонам тронов, огромные, изумлявшие хитрым искусством ваятеля. Далее по сторонам, на золотых столпах, развешаны были трофеи, дорогие оружия; названия *Тарса*, *Алеппо*, *Антиохии*, *Сиракуз*, множества других городов напоминали победы Никифора. Из драгоценных хрустальных курильниц неслись благовония, обвивая легким дымом порфирные столпы, поддерживающие хоры, с золотыми балясами. Огромный золотой ангел парил, с трубою в руке, посредине тронной, на цепи, унизанной яхонтами. Между столпов, и к самому трону, стояли избранные стражи, из греческих и иностранных легионов, облитые золотом: тут виден был узкоглазый гунн, голубоокий фаранг, черноволосый аравитянин, красивый грек – каждый в своем народном одеянии, с серебряными акуфиями⁹⁹, бердышами, секирами. Благоговейно, почтительно, в отдалении от трона, находились шесть сановников, вступивших в тронную с императором. Вид из тронной простирался на необозримое протяжение зал, наполненных чиновниками, воинами, духовенством, и оканчивался стальными бронями избранных воинов в предсении, казавшихся неподвижными статуями заколдованных богатырей. И все было погружено в глубочайшее молчание.

Умолкли трубы и литавры. Выступил чиновник и громко проговорил:

«Император Никифор, владыка Эллады¹⁰⁰, Рима, Святого моря, Эвксина и Геллеспонта¹⁰¹, самовластитель, опекун царей Василия и Константиона, в начале всех милостей сего благополучного дня, позволяет тебе, рабу своему, восточному доместику и магистру *Иоанну*, называемому *Цимисхий*, приступить к обожанию императорского трона».

При сих словах тот вельможа, которого приветствовал император перед тронною залю, выступил тихо, медленно, вошел в тронную и преклонил колено посреди сей залы.

«Иоанн! – проговорил тогда император, – ты имел время раскаяться в своих поступках и покорностью умягчил сердце наше. Просьбы возлюбленной супруги нашей сделались доступны

⁹⁹ *Акуфий* – см. наст. издание с. 159.

¹⁰⁰ *Эллада* – название собственно Греции (см. комм. к с. 29).

¹⁰¹ *Геллеспонт* – пролив Дарданеллы.

нашему милосердию, и, по ее молению, мы позволяем тебе видеть наше светлое лицо. Окажи себя впредь достойным неизреченных наших милостей. Восстань!»

Цимисхий встал, преклоняя голову,

«Хотим видеть: достоин ли ты будешь вполне нашей щедроты, и, снисходя милостиво и милосердо, позволяем тебе свободно жить в твоём царьградском доме. Входить в императорские чертоги наши ты не должен без особенного призыва нашего. – Позволяем тебе говорить».

– Августейший монарх, мой владыка и повелитель! – отвечал Цимисхий смиренно и тихо. – Чем воздать за твою милость и неслыханную щедроту? Если молитвы мои могут умножить хотя единою йотою тук молений, миллионами возносимых за царя земного царю небесному, я вознесу их – за тебя, твою возлюбленную супругу и августейших детей.

«Казню и милую по воле! – произнес Никифор, взмахивая скипетром, – позволяю тебе остаться у моего трона на сей день».

Он указал место Цимисхию, и с низким поклоном стал Цимисхий на назначенное место.

«Мои подданные и рабы! – сказал тогда Никифор, – я созвал вас для объявления тайных мыслей моих. В наступивший день —

Хочу принять послов дерзкого государя франков и изречь им мое решение на их мольбу.

Хочу принять послов царства Мизийского¹⁰² и объявить им мою милость.

Хочу идти с вами для празднования увеселениями новых торжеств, какими Господь Бог всемогущий вновь благословил нашу римскую державу.

Но прежде начала увеселений, хочу благодарить Господа за прекращение наказаний, коими десница Его отягчалась на нашу богоспасаемую державу,

Возвестите волю мою!»

Гром музыки раздался с новым шумом и наполнил своды дворцовых зал.

«Молчание!» – возгласили селентиарии.

«Августейшему монарху нашему угодно показать вам, римляне, что ничто не укрывается от его всепроницающего взора. Внимайте и дивитесь: признавая в наказаниях, ниспосылаемых на богоспасаемую державу римскую, суд Божий, милующий и карающий смертных, он не хотел оставить без внимания голоса и тех рабов, которые дерзнули сомневаться в истине истин, в том, что свет разума человеческого есть тьма перед разумом небесным. Дерзкие осмелились распространять слухи, будто естественные причины были тем бедствием, от коих скорбило сердце монарха нашего. Уже давно истреблены нечестивые ереси из православного греческого царства, и в мире и единстве православия, в начале премудрости, страхе Господнем, сосредоточилась вся мудрость римская. Но глубоко скрываются корни зла и разврата. Упомянутые дерзкие толки происходили от древней секты языческих безбожников, именуемых *философами* (любителями мудрости), хотя правильнее было бы именовать их *философами* (любителями мрака). Еще блаженной памяти, великий император, Юстиниан уничтожал сию опасную секту¹⁰³, ниспровергал ее кафедры, разрушал ее проклятые академии¹⁰⁴ и стыдил ее суемудрое невежество. Но в тайне сохранялись плевелы; еретические писания доныне были укрываемы во многих книгохранилищах, по невежеству, грешному любопытству, или злему умыслу. Император повелел, и отысканы были многие книги еретические, даже найден один *философ*, дер-

¹⁰² *Царство Мизийское* – Византийское наименование Болгарского царства, формирование которого происходило на земле мизинцев – фракийского племени, вследствие чего в Византии болгар традиционно называли мизийцами (мисянами).

¹⁰³ ...император Юстиниан уничтожил сию опасную секту... – В 529 г. Юстиниан I изгнал из Афин всех нехристианских философов.

¹⁰⁴ ...ниспровергал ее кафедры, разрушал ее проклятые академии... – Имеется в виду Академия, созданная в Афинах в 385 г. до н. э. Платоном как религиозно философский союз, члены которого занимались разработкой широкого круга вопросов в области философии, математики, астрономии, естествознания и т. п.; в 176 г. до н. э. римский император Марк Аврелий (121 —180) учредил в Афинах четыре философские кафедры; Академия и кафедры просуществовали в виде разных философских школ до 529 г., когда были закрыты Юстинианом I.

зающий сохранять и рассеивать свои злокозненные толки и мудрования, волхвовать по звездам, не для блага, но для зла. Он предстанет в сие мгновение перед вами, и будет посрамлен».

Из отдаленной залы, между двумя воинами, введен был в это время в тронную седовласый старец. Он шел бодро, вид его был смелый, и прямо глядел он, как будто не знал обычая потуплять глаза перед тронном императорским. Он стал в отдалении от трона и почтительно преклонился.

«Начальник истинного учения, ипат мудрых, раб наш Синезий! – сказал Никифор, и из среды других выступил и пал пред тронном какой-то старик в богатой одежде. – Встань и отвечай: слышал ли ты изложение учения этого человека, который столь дерзко осмеливается называть себя *философом* и последователем Платона и каких-то других поганых язычников?»

– Если государь позволяет говорить мне, ничтожному червю, менее нежели брению ног своих – слышал.

«Что же ты скажешь?»

– Я буду отвечать словами одного из последователей философской ереси, которого имя служит в позор векам: *Ан_е_гнон, _е_гнон, кат_е_гнон* (Ανεγνων, εγνων, κατεγνων – прочел, понял, осудил)!

Никифор улыбнулся, и улыбка так сильно пробежала по всем лицам, что в последних залах переродилась она почти в громкий смех: надобно было дать знать императору, что все разделяют его усмешку. Заметим, что кроме находившихся в тронной и в смежной с нею зале никто не мог слышать ответа на вопрос императора, и тут половина присутствовавших не могли расслушать его ясно.

«Что возразишь ты на такое обвинение?» – спросил Никифор старика философа.

– Не отвечай безумному по безумию его, – начал старик, – так сказал бы я. Но противник мой хочет шутить, приводя слова знаменитого философа, и я буду отвечать тем, что отвечал этому философу великий святитель Василий¹⁰⁵: *ανεγνω, αλλ ουκ εγινωκει γαρ εγινως, ουκ αγ κατεως* (ты читал, но не понял, а если бы понял, то не осудил бы). Повелел спросить ты у меня, государь: могу ли я естественными причинами изъяснить страшное землетрясение, разрушившее великий город галатский, *Клавдиополь*. Я отдал письменное изъяснение этому человеку, которого называешь ты начальником истинного учения и который, по летам и бороде, казался бы старцем, достойным уважения. Но лета ничего не значат: и пес бывает стар; борода седыя ничего не доказывает: это мох на гнилом, ветхом пне.

«Ты становишься дерзок, философ!»

– Нет, государь! Я говорю истину, а истина не бывает дерзка, и горе царю, которому глас ее покажется груб и невежлив!

«Можешь ли ты вкратце рассказать мне твое изъяснение бедствия клавдиополийского?»

– Трудно, государь... Я полагаю, утверждаясь на творениях Платона, Аристотеля и великих новейших учителей, Маркиана Ираклийского, Стефана Византийского¹⁰⁶, и на всей *золотой цепи* философов афинской школы, от Плутарха¹⁰⁷ до Симпликия¹⁰⁸, на...

«Довольно! Сократи слово твое! Вы, правдолюбцы, привыкли суесловить от праздности; если бы воины столько же говорили, сколько говорите вы, то неприятели успели бы покорить царство, прежде нежели говоруны успели бы братья за оружие в защиту свою».

¹⁰⁵ ...великий святитель Василий... – Василий Великий (ок. 330—379), архиепископ и богослов, основоположник монашеских орденов, создатель устава монашеской жизни.

¹⁰⁶ Стефан Византийский (конец VI – перв. пол. VII) – философ, грамматик, составил географический словарь, в котором были и сведения по литературе, истории и жизнеописания знаменитых людей.

¹⁰⁷ Плутарх (ок. 49 – после 119) – древнегреческий историограф и философ.

¹⁰⁸ Симплиций (Симпликий; I пол. VI в.) – последний философ-неоплатоник (последователь Платона) был среди изгнанных из Афин в 529 г. Юстинианом.

– Повинуюсь, государь! – Старик умолк, думал с минуту и начал так: – Известно, государь, что земля кругла, и висит она на воздухе так, что если бы могли мы видеть противоположных нам людей, или *антиподов*, то увидели бы их головою вниз, а ногами вверх в отношении к нам, хотя в отношении к ним самим, головы у них сверху, а ноги книзу...

Тут Никифор захохотал, и все громко захохотали. Неслыханное явление на торжественном выходе императора!

– Государь! Кажется, я ничего не сказал смешного? *В отношении к нам, в отношении к ним!* – повторил Никифор, продолжая смеяться. – Послушай ты, старый безумец, украшающийся именем *любителя мудрости!* если я велю тебе срубить голову, и ты станешь уверять, что у тебя нет головы, в отношении к тебе, не имеем ли мы права уверять напротив, что в отношении к нам, голова у тебя цела, только не на том месте, где обыкновенно голова бывает?.

– Государь! это ложный силлогизм.

«Ложный! Ты смеешь сказать? Ты забыл, что я могу заставить тебя немедленно ходить как антипода! Но жук навозный недостойн моего гнева. Начальник истинного учения! повтори ему то, что вчера изъяснял ты мне об устройстве земли».

– Я следовал системе великого *Козьмы Индикоплеста*¹⁰⁹, великий монарх! Он ясно доказывал, что земля есть великий параллелограмм, и плавает она на водах Океана, которые подземными трубами наполняют четыре великия моря – *Средиземное, Каспийское, Чермное*¹¹⁰ и *Индийское*. За волнами Океана, окружающего землю, возвышается стена, яхонтовая видом, со всех сторон отделяющая Океан бесконечный от бездны бездн, и сводом сходится она вверху, как чаша над нашими головами. Это наше *видимое небо*, испещренное звездами, по которому ходят солнце и месяц, выше коего есть *невидимое небо*, вечное, престол Божий, когда земля есть подножие ног его...

Тут философ засмеялся в свою очередь, и это возбудило столь сильный и внезапный, гнев Никифора, что он задрожал от досады. Уже грозное слово готово было излететь из уст его. Но глаза императора нечаянно обратились на Феофанию. Скучая величественным своим молчанием, Феофания, казалось, находила развлечение в том, что пристально смотрела на смелого, мужественного Цимисхия, и взоры ее, без слов, говорили так много, что Никифор, вовсе не знаток в шаловливых затеях Амура, понял многое. Ему показалось, что и Цимисхий... Но, нет! Ему *показалось!*.. Цимисхий рабски опускал глаза в землю, и сама Феофания так лукаво подметила взгляд Никифора, и глаза ее обратились к супругу с такою нежностью, что победитель Тарса и Антиохии, не приходивший в замешательство при дожде стрел и граде камней – смешался от одного женского взора.

Это спасло бедного философа.

«Довольно, – сказал Никифор, – мы только хотели видеть позор тщетной, эллинской, поганой премудрости, мы, православные римляне, и видим этот позор. Воздадим хвалу Богу, что ереси и лжемудрования древних софистов¹¹¹, каковы были Платон, Пифагор – и кто еще? – Арий¹¹², Павликий¹¹³ и им подобные, не вредят нам более. Но слабые умы могут соблазняться.

¹⁰⁹ *Козьма Индикоплест* (Индикоплов; VI в.) – купец, мореплаватель, автор «Христианской топографии», в которой пытался опровергнуть античную космогонию (учение о возникновении небесных тел) и заменить ее библейской концепцией вселенной.

¹¹⁰ *Чермное море* – Красное море.

¹¹¹ *Софисты* (греч.) – учителя мудрости.

¹¹² *Арий* (ум. 336) – священник из г. Александрии; выступал против христианской идеи богочеловека, утверждал, что существовал только Бог-отец, а сын Божий (т. е. Христос) сотворен им как и человек, но отличается от других людей более высокими достоинствами и в своем стремлении к благу сам становится богом.

¹¹³ *Павликий* – лицо вымышленное, – предполагаемый основатель павликианства – учения, согласно которому мир разделен на два враждебных царства: одно – духовное, царство бога (добра), другое – материальное, царство сатаны (зла); павликианство отвергало ряд христианских обрядов (крещение, причащение, пост и др.) и церковь, видя в ней защитницу порядков, созданных сатаной (социальное неравенство, эксплуатация и т. п.).

Ведай, философ лжемудрый: ты должен отречься от своих мудрований, или горе тебе, горе всем, кто тебя слушает! Об вас сказано в писании: *Иудеи знамения просят, эллины премудрости ищут*. Я сам люблю Святую Софию, если она дочь божия – я сам... Но, довольно – мне не время теперь заняться вами, лжемудрыми. Иди – ты еще свободен, но помни, что если будешь призван в другой раз перед лицо мое, то, может быть, в отношении самого себя – начнешь висеть, как висят твои антиподы! Не хочу, да не погибнет кто-либо и из малых, вверенных моему попечению; еще раз щажу жизнь твою и тебе подобных, но – берегись, и иди от моего взора».

Философ удалился в молчании.

«Всеавгустейший монарх, столь торжественно посрамивший лжемудрование пред вами, рабы его и подданные! – начал провозглашать оратор трона, – объявляет вам, что он намерен в скором времени обратить внимание свое на скрытую, но существующую доныне в тайне, *языческую премудрость* древних эллинов. До тех пор, он повелевает вам, да никто из вас не дерзнет быть ей причастен, как колдованию, чревовещанию, хиромантии, физиогномии, халдейской премудрости, кабалистике, зефиротомии и всему, чем прельщает нас царь мира сего, диавол, яко скимен окрест нас рыкающий. Будьте благочестивы и бойтесь Бога, ибо страх Господень есть начало премудрости; повинуйтесь властям, не ленитесь на молитву, храните чистоту душевную и телесную. Тогда отвратятся от вас бедствия – трупы, глады¹¹⁴, потопа, нашествия неприятельские; исчезнут и знамения бедствий – помрачения солнца и месяца¹¹⁵, огненные змеи, огненные столпы на небесах¹¹⁶ и явления чудилищ и уродов на земле. Да сохранит нас Господь Бог и Спас наш Иисус Христос, заступлением пресвятыя Богоматери, силою честного и животворящего креста Господня, молитвами всех святых! – Дерзните ли послушаться?»

Головы всех преклонились по данному знаку, как в порыве ветра преклоняются спелые колосья на ниве.

В это время уже шли по залам, прямо к тронной, послы императора Оттона¹¹⁷ и послы царя болгарского, или мизийского, как называли греки. Первые, одетые в блестящие брони, приближались смело; вторые, в богатых греческих одеждах, рабски поникнув головами. Едва вступили они в тронную, как Никифор протянул вперед руку со скипетром, и мгновенно раздался странный звук и шум. Казалось, что трон императорский ожил: листья серебряного дерева, осенявшие его, зашевелились; птицы, сидевшие на нем, двигали головами и крыльями; львы подняли гривы, зашевелили глазами и с ревом подвинулись вперед, разевая пасти, как будто хотели проглотить чужеземцев, приближавшихся к трону; ангел, паривший над головами их, затрубил громко. К этому присоединился стук оружия: фаранги и варвары, стоявшие в тронной, ударяли бердышами о звонкие щиты, и все заглушил наконец звук труб и звон тимпанов. Механизм, посредством которого производилось движение дерева и львов, был давно известен, но его редко приводили в действие, и каждый раз он производил невольный трепет в послых чужеземных, слившийся с музыкою и стуком оружия. Смущенные послы болгарские пали ниц на землю, и самые гордые германские послы преклонили колена. Все бывшие в залах дворца также пали на колени.

«Обожание ваше приемлет великий император наш, – возгласил Великий domestik, – позволяет вам власть, и се ответ его вам, послы Оттона, государя германского. Внимайте, и не дерзайте отвечать:

¹¹⁴ Трупы – землетрясения; глады – голод.

¹¹⁵ ...помрачения солнца и месяца... – солнечные и лунные затмения.

¹¹⁶ ...огненные змеи, огненные столпы на небесах... – кометы и северное сияние.

¹¹⁷ Оттон I – См. комм. к с. 29.

Государь ваш требует в супружество за сына своего дочь великого императора Константина. Этого быть не может, ибо великая кровь кесарей не может соединиться с кровью диких германцев. Так установил великий предок наш, Константин Равноапостольный¹¹⁸. Видал ли кто львицу, преданную любви волка, или орлицу супругою ворона? Вы можете идти и передать ответ сей вашему государю».

– Нет! – отвечал главный посол (их было трое), – я не передам вашего ответа моему императору; пошлите его со своим послом. Мой великий государь, император римский, король Италии и повелитель Германии, не может принять ответа ложного. В его воле отвечать как ему угодно, миром и войною, но лжи не перенесу я ему. Не только союз с сыном моего императора не унижает греческого государя, но возвышает его. Страна, принцесса которой еще недавно была выдана за варвара болгарского¹¹⁹, повелитель который женился на дочери хазарского хана¹²⁰ и женил сына на дочери бедного итальянского князя¹²¹, должна почтить благостью небес союз с государем, коего имени трепещут Север и Юг, того, пред кем пала Франция, передавая ему венец императорский, которого благословил наместник Христа, вселенский папа и патриарх вечного города Рима...

«Умолкни! – воскликнул Великий domestik, – не богохульствуй пред лицом великого императора, упоминая о лжеверном папе».

– Я не хочу беседовать с рабом твоим и обращаюсь к тебе, император греческий, – воскликнул посол...

Никифор оставался безмолвен и неподвижен, как будто истукан грозного Зевеса.

«Или не думаешь, посол дерзновенный, – возгласил domestik, – что ты подвергаешь опасности свою голову, дерзая оскорблять величие образа Божия на земле, великого государя нашего, именуя его *греческим* и придавая имя *римского* и *императора* своему германскому государю?»

– Если бы мы, германцы, столько же заботились об именах, сколько заботитесь вы, греки, я давно оскорбился бы тем, что ты не придаешь моему властителю титула, который завоевал он мечом и утвердил благословением великого архипастыря. Именуйте нас, как хотите...

«Варвары» – было слышно со всех сторон.

– Варвары? – сказал посол, оглянувшись с усмешкою на все стороны, – пусть тот будет варвар, кто не умеет проникать тщетной и суетной вашей гордости, греки, кто не знает, что закон Константина, о несочетании браком с иноземными государями, выдуман вами, хотя и вырезан на алтаре Софийской церкви, и что сей закон был троекратно нарушен доньше, хотя и называется вечным. Неужели, государь! ты отвергаешь собственную славу свою, состоящую в том, что оружием и победою достиг ты престола, и станешь верить своей родословной, будто в самом деле и ты происходишь от Цезарей¹²², когда все помнят пастуха твоего деда, помнят, что и самые потомки рода Василиева, сидящего с тобою, суть потомки бедного рыбака македонского?

«Умолкни! – возгласил с трепетом domestik. – Августейший монарх! что повелишь ты дерзкому послу?»

¹¹⁸ *Константин Равноапостольный* – имеется в виду Константин I (см. комм. к с. 27). *Равноапостольный* – т. е. в иерархии святых признан равным 12 апостолам – ученикам и первым проповедникам учения Христа.

¹¹⁹ ...*принцесса... выдана за варвара болгарского...* – внучка Романа I Мария-Ирина была замужем за болгарским царем Петром (см. комм. к с. 52).

¹²⁰ ...*повелитель... женился на дочери хазарского хана...* – Имеется в виду Константин V Копроним.

¹²¹ ...*женил сына на дочери бедного итальянского князя...* – Имеется в виду сын Константина VII Роман II (см. комм. к с. 30); он был обручен с Бертою-Евдокиєю (она умерла до свадьбы) – дочерью графа Арльского Гугона, правителя галльского г. Арль (низовья р. Роны на юге Франции), который не был итальянским князем.

¹²² ...*будто ты... происходишь от Цезарей...* – т. е. ведешь свою родословную по прямой линии от римских императоров.

– Чту в лице его права посла, – хладнокровно отвечал Никифор, – презираю его суесловие, как варвара непросвещенного, но пусть немедленно оставит он наш великий Царьград, без милостивого нашего слова, без приветов и ласки...

«Пощади, августейший монарх! – воскликнул domestик. – Грубость варвара заслуживает прощение, дерзаю заметить тебе, заслуживает, как преступление без умысла учиненное – простить его грубости и невежеству!»

Никифор, молча, взмахнул скипетром. Посол Оттона насмешливо взглянул на все стороны. «Если я затем введен был сюда, – говорил он, – чтобы слышать, как молчит греческий император, чтоб быть оскорбленным, внимая торжественный ваш отказ, после того, как в переговорах ваших, три месяца продолжавшихся, познал я всю тщету ума вашего, о греки – иду от вас, и пусть Бог взыщет на вас те бедствия, какие могли вы отвратить согласием вашим, пусть Бог положит на главы ваши и те бедствия, какие мщенья за гордый ответ ваш внушит он великому государю моему, императору Рима, повелителю Германии и Италии!»

Посол Оттона не поклонился никому и гордо пошел через залы, где все оставались неподвижны, не поднимая на него взоров.

Едва удалился он, Великий domestик возвестил послам болгарским, что государь позволяет им говорить.

– Царь царей земных! – возгласил посол болгарский, – преклоняю пред тобою колена, благодаря за неизреченные милости твои!

«Посол царя мизийского! – ответил ему Никифор, – ты видел как наказываем мы дерзость франка и латина, а теперь уведаешь из ответа нашего, как неизмерима глубина реки щедрот наших. Внимай: ты просил позволения купцам вашей земли на покупку драгоценных паволок, дороже 50 литр¹²³, но мы не можем позволить вам такого преимущества, ибо неприлично было бы другим народам равняться богатством одежд с народом римским.

Ты просил, от имени царя своего, чтобы послали мы ему, на защиту бедных владений его, хитреца, умеющего стрелять греческим огнем. Мы не можем сего позволить, ибо ангел, принесший к нам тайну сего изобретения, запретил нам передавать ее другим или употреблять на защиту других. Скажи ответ наш царю своему, да постигнет он великую милость нашу».

Посол болгарский низко поклонился. Великий domestик начал говорить ему: «Ты приносил великому государю нашему скорбь царя твоего, повествуя, что кровожадные скифы, именующие себя *россами*, или *руссами*, и тигроподобный вождь их *Сфендослав*¹²⁴, завладели вашей землею, полонили ваши города, поработили вашего царя. Помнишь ли, посол мизийский, что было сему виною? Обращая победоносное свое оружие на окайнных агарян¹²⁵, непобедимый император наш повелел вашему царю Петру¹²⁶, да устремит он оружие на свирепые орды унков, или венгров. Царь ваш забыл все благодеяния, на него излитые, забыл, что неслыханным милосердием ему вручена была в супруги дочь тестя императора Константина, бабка ныне благополучно царствующих императоров Василия и Константина, сынов Романовых, внуков Константиновых, правнуков Львовых и праправнуков Василия, блаженной памяти великого родоначальника императорской Македонской династии. Царь ваш отрекся от исполнения воли императорской, и, презирая сам наказанием его, великий император наш послал повеление варвару Сфендославу – наказывать царя вашего за его непослушание. – Патриций Калокир! Император позволяет тебе предстать и повергнуться пред лицо его!».

¹²³ *Литр*, либр – весовая (327,45 гр.) и денежная единица; соответствовала 72 солидам – римская золотая монета весом 4,55 гр., или номисмам – византийская золотая монета аналогичного достоинства.

¹²⁴ *Сфендослав* – греческое написание имени Киевского князя Святослава (см. комм. к с. 191).

¹²⁵ *Агаряне* – собирательное наименование восточных народов, прежде всего арабов; буквально – потомки Агари, служанки библейского Авраама, который имел от нее сына Измаила; другое название агарян – измаилтяне.

¹²⁶ *Петр Болгарский* (ум. 969) – Болгарский царь с 927 г. был женат на внучке Романа I (см. комм. к с. 50) Марии-Ирине, дочери Христофора (см. комм. к с. 31).

В тронную вступил молодой человек, благородной, прекрасной наружности, в богатой одежде, и низко поклонился императору.

«Патриций Калокир! Император позволяет тебе сказать пред лицом его о своем посольстве на берега Борисфена».

– В счастливый день моей жизни, – сказал Калокир, – призван я был к императору, и слышал слова его: «Тебе, как ведающего языки скифские, посылаю на берега Борисфена, к варвару Сфендославу; скажи ему, да идет он и накажет гордыню царя мизийского!». И потек я, послушный воле царя земного, препоручив себя благословению царя небесного, ибо далекий путь надлежало совершить мне. Корабль перенес меня через волны Эвксина; потек я землею печенежскою; плыл пустынною рекою Борисфеном, именуемою *Днепр* на варварском языке скифов, достиг *Киовиш*¹²⁷, увидел *росского князя Сфендослава*, среди его свирепых вождей, и рек ему волю императора. Ударяя в медный щит свой, с радостью внял и пошел варвар, и я сопутствовал ему в походе его, через леса дремучие, реки глубокие. Мы достигли широко-струйного Истра, или Дануба¹²⁸, и мизийская земля постигнута была мечом ангела-истребителя! Варвар Сфендослав огнем и хищением погубил силу противников, и я притек в Царьград, повергнуть пред троном монарха весть, что повеление его исполнено, и Мизия стонет, как бедная вдовица.

«Довольно, – возразил domestик. – Ты ведаешь, посол мизийский, что царь ваш Петр, сокрушенный горестию за преслушание воли императора, скончался от скорби и печали, и юный царь ваш Борис¹²⁹, твой государь, раб императора нашего, возвысил голос раскаяния. Ты был послом его; здесь молил ты императора спасти царя Мизии, спасти страну его, спасти единовверных нам христиан от гибели, позволить родственницам и сестрам царя вашего, бегствующим от варвара Сфендослава, укрыться в богохранимом граде Адриана¹³⁰. Милосердую, яко Бог, великий император, изливший фиал гнева, обратил его в сладость прощения. Он повелел тебе идти обратно и возвестить царю своему, да признает он над собой власть императора, и император, благоволя за то, повелит варвару Сфендославу снова укрыться в своей Скифии. Ты возвратился теперь еще раз перед трон императорский; говори, что повелел тебе царь твой?»

С низким поклоном, посол болгарский начал говорить: «Великий император Византии, второго Рима, славного более древнего Западного! в лице моем, царь Мизии, Борис, сын Петра и августейшей дщери блаженного императора Романа, внук Симеона, правнук Богориса¹³¹, просвещенного светом истинной веры от щедрот Великого Василия¹³², родоначальника императоров римских, повергает себя и царство свое власти твоей, молит тебя признать его твоим данником, клянясь именем) Бога в вечном тебе послушании, дружбе и правде. Спаси его от меча варваров Скифии, пощади, возвысь победоносную десницу твою! Да будет над ним воля твоя».

– Посол мизийский! – отвечал ему сам Никифор, – иди и скажи царю твоему: отныне предаю забвению все прошедшее. Да иссохнет вражда, как иссохла кровь, пролитая в сей вражде. Объявляю мизийскую землю дружественною и подвластною Римскому государству, Богом нам вверенному. Да придут родственницы и сестры царя вашего в наш великий Царьград, и да будут приветствуемы, как наши кровные. Войско римское готово на защиту Мизии, и горе

¹²⁷ *Киовиш* – Киев, Киевская Русь.

¹²⁸ *Истр* или *Дануб* – Дунай.

¹²⁹ ...*юный царь... Борис...* – Борис II (ум. 971), сын Петра Болгарского, царь с 969 г.

¹³⁰ ...*град Адриана* – г. Адрианополь (ныне – Эдирне, Турция); назван в честь римского императора Адриана II (76-138).

¹³¹ ...*внук Симеона, правнук Богориса...* – Богорис – Борис I Михайл (ум. 889), Болгарский царь с 852 г.; Симеон (ум. 927) – его сын, Болгарский царь с 893 г.

¹³² ...*просвещенного светом истинной веры от щедрот Великого Василия...* – т. е. принявшие христианство в годы правления Василия I Македонянина (см. комм. к с. 30).

варвару Сфендославу, овчинною дифферою (кожухом) одетому и сырое мясо грызущему! Ты говорил, что уже сей зверь скифский удалился от берегов Дануба – вероятно, услышав о предназначаемой защите нашей – но дикие орды его остались на Данубе. Сколь ни варвар, но не совсем лишен он света разума, и постигает, как гибелен будет ему огонь победы нашей, если не покорится он добровольно.

– Патриций Калокир, ты ведающий путь в страну скифскую! Иди еще раз в Киовию, где обитает варвар Сфендослав; скажи ему, чтобы немедленно орды его оставили берега Дануба, или постигнет его гибель, как постигла она кровожадного отца его Ингора¹³³. Подробные повеления получишь ты от Великого домашнего. Труд твой вознаградит милость наша, и если опасное препоручение – идти в – берлогу медведя – будет стоить тебе жизни, щедроты излиются на род твой.

Низко поклонился Калокир и вышел из тронной.

– Великий протовестиарий! исполни должные распоряжения, чтобы за матерью и сестрами царя мизийского были отправлены златые колесницы, и немедленно встречены были мизийские царевны с почестью, прилично родным нашего августейшего дома.

– А ты, посол мизийский! Сопутствуй нам нынешний день, для моления, в соборный храм Св. Софии Премудрости Божией; будь после сего свидетелем воинских игр на Ипподроме, и потом спеши к царю своему, возвести ему о наших милостях, о том, что если ослепленные безумием орды варвара Сфендослава не оставят добровольно и поспешно берегов Дануба, войско наше двинется – не сражаться, но истребить их, и следа варваров не останется в земле мизийской!

– Милость и благоволение наше всем нашим подданным, слава и хвала Богу, радость и благоденствие императорскому дому нашему!

– Великий протовестиарий! багряные завесы да опустятся над святилищем нашего трона; да скроется величие наше. Мы идем смиренно повергнуться перед престолом всемогущего и всесильного Господа Бога!

Гром труб и кимвалов огласил своды императорской тронной при пении торжественной песни во славу императора.

---

¹³³ *Ингор* – Игорь (ум. 945), князь Киевский с 912 г.

Книга II

*Царство от язык в язык преводится ради неправды, и досаждения,
и имений лживых. Почто гордится земля и пепел? Яко в животе извергох
утробу его... и Царь днесь, а утро умрет... Богат, славен, ниши – похвала
их страх Господень...*¹³⁴

Иисус Сирахов, гл. X, ст. 8, 25

Если был славен и знаменит Царьград своими зданиями и своими храмами, то ничем не был он так знаменит и славен из всех зданий и храмов, ничто так не возвещало его величия и великолепия, как соборная церковь *Св. Софии Премудрости Божией*. Она сделалась символом христианского храма на Востоке; ее золотой купол казался щитом, охраняющим Царьград, и издали, со всех сторон, горел он звездой благодати в глазах путника, приближавшегося к Царьграду, морем и сухим путем.

Великолепный храм сей построен был императором Юстинианом¹³⁵, и уже *три века* составлял он диво света, чудо искусства, в честь которого поэты сочиняли целые поэмы и которое зодчие и мудрецы приходили изучать, как торжество могущества человеческого. Основанный на развалинах храма, несколько раз погибавшего от огня и землетрясения, храм Софии пережил империю Константина и заставил современников и потомство забыть деяния и злодеяния его основателя.

После того, как погибельная достопамятная *Ника*¹³⁶, во время междоусобия *Синих и Зеленых*, осквернила святилище древнего Софийского храма и попала в него огнем, император Юстиниан захотел увековечить имя свое построением нового храма. Славный чудотворец Прокл¹³⁷, великий зодчий Антемий и ученик его Исидор Милетский, были призваны императором. Прокл сжигал зеркалами неприятельские флоты, как второй Архимед; Антемий заставлял соседей жаловаться императору, что они не могут жить в соседстве чародея, который производит громы и молнии, потрясает здания землетрясением. Пять лет, одиннадцать месяцев и десять дней строили новый храм; тысячи людей трудились ежедневно при его строении; сам Юстиниан беспрерывно наблюдал за работою, и 320 000 фунтов золота и серебра стоило его сооружение. Неслыханное до того чудо зодчества – купол вознесся по воле Антемия и остановился на воздухе, на высоте 180-ти футов, раздвинутый на 115 футов в поперечнике, освещаемый двадцатью четырьмя окнами, поддержанный четырьмя арками и четырьмя египетскими столпами. Знамениты были и прочие здания Юстиниана: храм Иерусалимской Богоматери, где на гору вкатывали камень, едва влекомые четырьмя волами; другие двадцать четыре церкви царьградские; чертоги Хальдийские и Эрейские, и грозные стены Царьграда. Но все уничтожилось перед храмом Св. Софии, и Юстиниан, вступив в храм сей при освящении его, когда бесчисленное множество народа, вельмож, войска, духовенства наполнили храм и стали окрест, дивясь мудрости и величию императора, Юстиниан горделиво воскликнул: «О Соломон! я превзошел тебя! Слава Господу, моею слабою рукою показавшему первый в мире храм молитвы, достойный Его святого имени!»

¹³⁴ Эпиграф. – Библия. Ветхий завет. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, гл. 10, ст. 8—10, 12, 25,

¹³⁵ Юстиниан – см. комм. к с. 29.

¹³⁶ ...достопамятная *Ника* – Имеется в виду восстание в Константинополе 532 г., когда народные массы, недовольные тяжелой налоговой политикой Юстиниана I и руководимые цирковыми партиями «синих» («голубых») и «зеленых», вышли на улицу с цирковым кличем – «Ника!» (греч. *Nika!* – «побеждай!»).

¹³⁷ Прокл (412—485) – знаменитый греческий философ-неоплатоник в строительстве Святой Софии (532—537) участия принять не мог; кого и что имел в виду Полевой – неизвестно; храм построили Анфимий (у Полевого – *Актимий*) Траллеский и Исидор Милетский – византийские зодчие.

Храм Св. Софии изображал собою символ страстей Спасителя – крест; на 243 фута простиралась ширина его и на 270 футов длина, от алтаря до девяти входов в предсение, украшенного чудным *нарфексом*, или *портиком оглашенных*¹³⁸. Из родосского кирпича, дикого камня, железа и свинца составлены были основания столпов и стен храма, но драгоценный порфир, яспис, муссия, золото и серебро облекли и скрыли это грубое основание. Двенадцать родов разного мрамора было употреблено здчими: желтый, с железными жилами, мрамор *каристийский*, красный с серебряными *фригийский*, звездистый *египетский*, зеленый *лакониийский*, пестрый *карийский*, желтый, с красными крапинами *индийский*, золотой *мавританский*, черный, с белыми жилками *кельтический*, белый с черными *босфорский*. Мрамором *пропонезским* выстлан был пол церковный, *молосским*, *термопильским* и *фессалийским* выход из церкви. Но не одни произведения природы принесли в дар Юстиниану Африка, Азия и Европа: восемь дивных столпов, взятых из храма, построенного Аврелианом¹³⁹ на обожание солнца; восемь столпов редкого зеленого мрамора из храма Эфесского¹⁴⁰ – перешли по волнам Эгейского моря в храм Св. Софии, вместе с бесчисленным множеством драгоценностей, украшавших святые иконы, с произведениями искусства, какими славилась древняя Эллада, гордился ветхий Рим.

На белом коне, покрытом багряными коврами, сопровождаемый и предшествуемый воинами и царедворцами, при несчетном собрании народа, ехал император Никифор ко храму Св. Софии при громе колоколов. Золотая колесница, в которой сидели императоры Василий и Константин и Феофания, прибыла к храму прежде его.

И как величествен казался этот грозный император, шествовавший в храм Св. Софии благодарить бога за победы, перенесшие знамена его за волны эвфратские! *Стратопедархи*, *доместики*, *аколуфы*, *друнгари* его казались царями, в золотых и паволочных одеждах своих, шествуя по коврам, посланным на ступенях нарфекса. Никифор остановился на высшей ступеньке, оборотился к народу; казалось, несколько мгновений любовался этою пестрою, тьмо-численною толпою, покрывавшею не только площадь, ближние улицы, но все окна и крыши домов, любовался и великолепием украшений – коврами, паволоками, цветами, золотом и серебром – всем, что было выставлено на окнах и балконах, террасах и крышах окружных зданий...

– *Никифор Фока, Никифор Фока!* – раздался пронзительный голос. Император оборотился в ту сторону, откуда слышен был крик, и увидел какого-то юрода. С растрепанными волосами, с опаленной бородою, запачканным лицом, в лохмотьях, босой, бежал он, прыгал, бил в бубен, останавливался, крестился, опять начинал прыгать, и прямо бросился к императору, так быстро, что стоял уже подле Никифора, прежде нежели окружающие могли схватить безумца. Никифор не изменился в лице, не посторонился от юродивого, хотя он мог быть убийца, посланный врагами. Взоры всех обратились к портику; одно мгновение продолжалось молчание общее, и вдруг прервалось оно общим криком: «Государь! берегись!» Но юрода уже не было: он вручил Никифору какой-то лохмоток бумажки, что-то сказал ему, и мгновенно исчез в толпе народа. Никифор небрежно взглянул на бумажку, и ужас изобразился на лице его. Но когда он услышал в то же время клик народа, изъявляющий опасение, трепет, видимо, потряс все члены его – он задрожал и остановился неподвижно.

¹³⁸ *Нарфекс* или *портик оглашенных*. – Имеется в виду нартекс – притвор, помещение с западной стороны храма, где происходило «оглашение» желающих принять веру – знакомство их с христианским учением перед обрядом крещения; некрещенных дальше нартекса в храм не пускали.

¹³⁹ *Аврелиан* Луций Домиций (214—275) – римский император с 270 г.; в 274 г. ввел культ бога Солнца, провозгласив его высшим государственным божеством.

¹⁴⁰ ...из храма Эфесского... – Имеется в виду одно из семи чудес света – знаменитый храм Артемиды (богини плодородия и целомудрия, покровительницы супружества и деторождения), находившийся у г. Эфеса (западная часть Малой Азии при впадении р. Каист – ныне Малый Мендерес – в Эгейское море). Этот храм в 356 г. до н. э. был сожжен, желавшим хоть как-то прославиться Геростратом («геростратова слава»), но затем восстановлен

Изумление народа усилилось; смешанный ропот раздался в толпе. Но император уже успел прийти в себя, спокойно приветствовал народ, и радостные клики раздались повсюду. Хор демственников и благочестивый патриарх Полиевкт встретили императора при входе во храм, с чудотворными иконами и крестами. Благословенный Святителем, император вступил во храм, стал на свое царское место. Началась литургия.

Оставим продолжение священного обряда, совершавшегося в Софийском храме, и перенесемся в другую сторону Царьграда, туда, где толпилось и теснилось теперь гораздо более народа и куда побежали толпы его опрометью, едва только император вступил во внутренность Софийского храма.

«Хлеба и зрелищ!» – восклицали некогда римляне. Византийские потомки их утратили все добродетели, изменили почти все свойства своих предков, но и они могли и готовы были также восклицать: «Хлеба и зрелищ!». Страсть к зрелищам была сильнейшею из страстей царьградского народа, а из всех зрелищ его любимое были игры *Ипподрома*. Так называли в Царьграде то, что в Риме именовалось *Цирком*, что некогда прославило Олимпию, и празднование сих игр внесло в летосчисление древней Эллады.

И теперь еще странник, посетивший Царьград, может видеть близ великолепной мечети султана Ахмеда площадь *Ат-Мейданскую*, где собиралось некогда оттоманское юношество¹⁴¹ гарцевать в своих *джеридках* и где изречена была потом погибель войску янычарскому. На этой площади и теперь еще видны остатки громадного обелиска, перевезенного в Царьград с берегов Нила, и остатки *Змеиного столпа*, некогда обвитого тремя медными змиями и служившего подножием золотой чаше, которую Греция поднесла в благодарность за Платейскую битву¹⁴² богу Дельфийского храма¹⁴³. Победоносный Мугаммед IV¹⁴⁴ отделил одну из змеиных голов ударом меча своего, когда вошел победителем в Царьград; две другие, неизвестно когда, отгрызло время; бедный обломок Змеиной колонны, кусок столпа, воздвигнутого некогда Константином Порфирородным, и часть обелиска – вот все, что говорит страннику на Ат-Мейданской площади: «Здесь был некогда *Ипподром* царьградский».

Перенеситесь за девять столетий, сбросьте в Пропонтиду этот изуверный памятник исламизма, мечеть Ахметову, далеко и свободно раздвиньте площадь в ширину и длину, и вообразите себе после того величественный *царьградский Ипподром* десятого столетия. Многочисленно бывало собрание народа на Ипподроме, но современники уверяют, что число статуй и изваяний, украшавших Ипподром, превосходило число людей, всегда собиравшихся на нем.

Тут, говорят они, мы видели дивную исполинскую статую *Алкида Тригеспера*, бронзовую, на стальном седалище, столь огромную, что шнурком, который обхватывал один палец ее, мог подпоясаться человек, и толстый сподвижник Ипподрома едва равнялся ее ноги. Предание приписывало сие изваяние резцу ваятеля Лизимаха¹⁴⁵. Тут виден был и знаменитый осел, с проводником своим, воздвигнутый некогда в Акциуме¹⁴⁶ императором Августом в память

¹⁴¹ *Оттоманское юношество* – турецкие юноши.

¹⁴² *Платейская битва*. – Имеется в виду разгром греками персов в 479 г. до н. э. у г. Платеи (северо-западное побережье Коринфского залива, Греция).

¹⁴³ *Бог Дельфийского храма* – Аполлон; Дельфы – святилище (храм) Аполлона у подножия горы Парнас в Фокиде (историческая обл. в центральной Греции между Коринфским и Малийским заливами), местонахождение одного из знаменитых прорицателей (оракулов) Греции.

¹⁴⁴ *Победоносный Мугаммед IV*. – Победителем в Царьград (Константинополь) после полуторамесячной осады и штурма города вошел 29 мая 1453 г. турецкий султан Мехмет (Мухаммед) II (1432—1481).

¹⁴⁵ *Лизимах* – Полевой оговорился. Имеется в виду Лисипп (2-я пол. 4 в. до н. э.) – знаменитый древнегреческий скульптор, создавший несколько статуй Геракла (Геркулеса, Алкида). Лизимах (Лисимах; ок. 360—281) – военачальник Александра Македонского.

¹⁴⁶ *Акциум* (Акций) – мыс и одноименный город на берегу Амброкского залива (ныне – Артрийский залив на северо-западе Греции), напротив которых флот римского императора Августа (63 до н. э. – 14 н. э.) 2 сентября 31 г. до н. э. разбил

встречи его, когда Август готовился решить жребий мира битвою с Антонием, встретил погонщика, ведущего осла, спросил его имя и узнал, что погонщика звали *Никон* (победительный), а осла *Никандр* (победитель). Тут была и *римская волчица*¹⁴⁷, воздвигшая Ромула и Рема. Далее видны были бесчисленные произведения искусства: исполин, поражающий льва; гиппопотам, с чешуйчатым хвостом; слон, двигавший хоботом; сфинкс, прельщавший красотой лица и сопровождаемый изображениями ужасающих чудовищ. Здесь нетерпеливые кони, забывая, что они изваяны из меди, рвались на средину Ипподрома. Там хотела кинуться на попрание его чудовищная Сцилла¹⁴⁸, с привидениями, устрашавшими мудрого Одиссея. Невольный ужас внушало еще изображение борьбы двух чудовищных животных: думали, что они изображают *василиска* и *аспида*; другие утверждали, что это *гиппопотам* и *крокодил*. Смотря на сих громадных врагов, свирепо терзавших друг друга, казалось, видели, как яд укушения пожирал и губил их обоих. Уже один из них едва стоял на ногах, и медь как будто издавала смертный стон его; другой, обхваченный широкою пастью врага своего, вздымал хвост свой и тщетно силился встать, но глаза его выражали дикую радость, что победителю не долго пережить торжество победы.

Взоры зрителей, отвращаясь от сих ужасных изображений силы и зверства, насилия и уродливостей, какие только природа могла произвести и человеку выдумать, отдыхали на статуе Елены¹⁴⁹. «О, что скажу я о совершенстве ее стана, очаровании ее рук и груди и красоте изумительной ноги? Это была Елена, которая увлекла всю Грецию к стенам Трои, которая укрощала красотой своею диких обитателей Лаконии¹⁵⁰! И смотря на это изваяние, можно сказать: что невозможно той, чей взгляд оковывает все сердца? Ее одежда была изваяна так нежно, что жадные взоры зрителей открывали все прелести, скрытые сею коварною одеждою; казалось, что ветер стремится, забывшись, развивать ее длинные волосы, а из отверзстого ротика, подобного едва развернувшемуся цветку, готовы излететь слова любви и приветия. Нет! никогда не выразим словами, и потомство тщетно будет стараться вообразить себе прелесть этой божественной статуи!» (Никита Хониатский.). Когда, по взятии Царьграда латинскими крестоносцами, статуя Елены была разбита и брошена в огонь – «О дочь Тиндара¹⁵¹, – восклицали современники, – совершенство любви, соперница Афродиты¹⁵², чудо искусства! где всемогущество твоих прелестей? Как не покорила ты сердец варваров, подобно тому, как покоряла некогда все сердца? Или судьбы определили тебе погибнуть в пламени, тебе, сожигавшей пламенем столько сердец? Или потомки Энея¹⁵³ осудили тебя на сожжение, мстя за огонь, пожиравший некогда их Илион¹⁵⁴ широкостенный?»

флот Марка Антония (82—30 г. до н. э.) – римского политического деятеля и полководца; в 43—36 гг. одного из соправителей Августа (члена триумvirата), затем его противника в борьбе за власть.

¹⁴⁷ *Римская волчица* – Согласно преданию, младенцы Ромул и Рем – будущие основатели Рима, брошенные Амулием – легендарным царем г. Альба Лонга – в р. Тибр и прибитые волнами к берегу, были вскормлены волчицей и затем воспитаны пастухом.

¹⁴⁸ *Сцилла* – мифическое морское чудовище, имевшее двенадцать ног и шесть голов с огромными пастью, обитало по одну сторону пролива между Италией и Сицилией и пожирало все живое; с другой стороны этого пролива находилось другое чудовище – Харибда, которая трижды в день всасывала в себя воду и с ревом выпускала обратно. Храбрый и мудрый Одиссей – герой троянского цикла греческих мифов, сумел провести свой корабль через пролив, охраняемый этими чудовищами (см. гомеровский эпос – «Одиссея»). В переносном смысле: оказаться между Сциллой и Харибдой – значит попасть в ситуацию, когда с одной и с другой стороны вам угрожает зло, разное по характеру, но одинаково неотвратимое и страшное.

¹⁴⁹ *Взоры зрителей... отдыхали на статуе Елены.* – Елена Прекрасная – одна из героинь греческой мифологии («гомеровского эпоса»), дочь Леды и Зевса, падчерица мифического спартанского царя Тиндара.

¹⁵⁰ *...диких обитателей Лаконии.* – Имеются в виду спартанцы, жители г. Спарты – центра Лаконии (обл. на юго-востоке Пелопоннеса). Елена была не только падчерицей Тиндара, но и женой Спартанского царя Менелая (см. комм. к с. 28).

¹⁵¹ «О, что скажу я о совершенстве ее стана...» и далее: «О дочь Тиндара...» – Цитаты из «Хроники» Никиты Хониата (Хониатского; ок. 1150—1213) – византийского оратора и историка.

¹⁵² *Афродита* – греческая богиня любви и красоты.

¹⁵³ *Эней* – персонаж греческо-римской мифологии; родился в Трое; упоминается в «Илиаде» Гомера, главный герой «Энеиды» Вергилия Публия Марона (70—19 до н. э.) – римского поэта.

Но среди изображений невообразимой красоты и идеального безобразия, как будто для того, чтобы сердца зрителей, волнуясь различными впечатлениями, выражали собою борьбу страстей, кипевших в сподвижниках Ипподрома, зрители видели и таинственный обелиск древнего Египта, и треножник Дельфийский¹⁵⁵, о котором говорили мы выше. Мудрость египетская покрыла иероглифами обелиск, умолкла и на века унесла с собою смысл таинственных изображений. Что начертывала она ими? Дела прошедшего, судьбы будущего, тайны мудрости и знаний? И что изображал для зрителей этот тройной союз змий, умолкнувшего на века прорицалища Аполлонова?¹⁵⁶

Еще один памятник Ипподрома обращал на себя внимание зрителей своим таинственным изображением: это был медный, огромный орел, подъявший распростертые крылья и державший в когтях страшного змия. Говорило предание, что изображение царя пернатых было произведено мудрым Аполлонием Тианским. Змии ядовитые опустошали древле Византию. Жители призвали Аполлония. Он вызвал могущих демонов, слил медного орла, терзающего змия, и опустошительные животные бежали навеки из окрестностей Босфора Фракийского. Казалось, смотря на сие изображение, поставленное на высоком столпе, что взгляд на него оковывает зрителя каким-то очарованием, подобно голове Медузы¹⁵⁷. Тщетно извивался змий около царя пернатых, подъявля свою голову и стараясь уязвить его; сжатый мощными когтями, распухший от кипящего во внутренности его яда, казалось, он издыхал в томлении, и орел уже взмахивал крылами, чтобы увлечь врага в пространства поднебесные. Хитрым вымыслом крылья орла устроены были так, что тень их, падая на землю, показывала время дня, означенное на земле тайными знаками.

За статуею Елены, к восточной стороне, воздвигнуты были изображения победителей в играх Ипподрома. Они являлись на своих колесницах и, казалось, обращали руки и взоры к той стороне, к той мете, где победа увенчала их почестью и рукоплесканиями.

Вообразите себе после сего площадь Ипподрома, обнесенную местами для зрителей, золотыми, драгоценными седалищами императора, Двора его, вельмож, богачей царьградских, унизанную толпами народными, с радостным шумом окружавшими площадь; длинные ряды воинов, в блеске их оружия и одежд, охранявшие спокойствие зрителей; ряд раззолоченных, горящих от солнца, легких колесниц, готовых к бегу. Юноши в синих и зеленых одеждах были возницами их, и едва мощные конюшие могли удерживать пламенных коней, впряженных в колесницы и готовых броситься на Ипподром в безумии силы и отваги. Развевающиеся хоругви воинства, цветные значки бегунов, украшения и флаги, веявшие на Ипподроме и в окнах окружных зданий, и над всем этим солнце царьградское, горящее светом и жизнью... Таков был *Ипподром*.

Внимание зрителей привлекали особенно два многочисленные собрания людей, занимавших часть Ипподрома: Одни из них были одеты в *синие*, другие в *зеленые* одежды. Это были две партии Ипподрома, некогда столь ужасные, столь гибельные, потрясавшие основание Царьграда громогласным словом своим: *Nina! Nina* (будь победитель)! В числе зрителей можно было отличить многочисленных приверженцев той и другой крамолы; наконец, конюшие, колесницы, правители колесниц, различаясь синим и зеленым цветом, показывали, к которой партии они принадлежали. Можно было заметить даже, что у каждого, кто пришел

¹⁵⁴ *Илион* – второе название г. Трои, отсюда «Илиада».

¹⁵⁵ *Треножник Дельфийский* – своеобразный круглый стул с тремя ошками, на котором восседала во время своих пророчеств и предсказаний пифия – жрица-прорицательница Дельфийского храма (см. комм. к с. 58).

¹⁵⁶ *Прорицалище Аполлоново* – храм в Дельфах (см. комм. к с. 58). С. 61. *Аполлоний Тианский* – Полевой оговорился. Имеется в виду так называемая статуя Аполлона Тенейского в Коринфе (6 в. до н. э.). Аполлоний Тианский (I в. н. э.) – проповедник-моралист, философ, последователь греческого философа Пифагора (ок. 540—500 до н. э.).

¹⁵⁷ ...подобно голове Медузы. – Медуза (греч. – повелительница) – мифическое чудовище, тело ее покрывала медная чешуя, в волосах вились и шипели змеи, а встретивший ее взгляд превращался в камень; погибла от руки Персея, который отрубил Медузе голову, глядя на ее отражение в медном щите; изображалась в виде женской головы, с волосами из змей.

на Ипподром, хоть лоскуток синего или зеленого цвета показывал, чьей стороне желает он победы. Казалось, что весь Царьград разделялся на *синих* и *зеленых*. Мы поспешим изъяснить таинственное это различие.

Издревле думали, что примерные битвы и воинские упражнения могут приучать людей к битве и войне, и в мире готовить в них защиту на день брани. От этого учредились многочисленные игры греческие – в Олимпии, Немее, на Истме Коринфском¹⁵⁸. Но со временем сии игры потеряли свое первобытное назначение. Тщеславие людское стало находить в самих играх цель и сущность их. Они сделались предметом особенного искусства, упражнения, и атлет олимпийский, победитель всех соперников, был ничтожен на поле битвы, под железною бронею, среди трудов и подвигов похода воинского. Игры требовали одного, а война совсем другого. Еще более обезобразили их роскошь и излишество богатства: уже не приучение коней на битву и людей на труды воинские, но ничтожное желание, чтобы колесница одного богача опередила колесницу другого, заставляло греков не щадить ни коней, ни людей на одну минуту, в которую колесница, запряженная конями особой драгоценной породы, нарочно приготовленными и выученными, промчится по назначенному поприщу. Богач афинский сыпал золото, желая одного, чтобы колесница его достигла первая к мете, хотя бы для этого погибло десять других колесниц, погибли кони и возницы их, и в быстром беге, от сшибки соперников, разлетелись в прах другие сподвижники. Безумное ожесточение, безмерные заклады поддерживали пагубную страсть греческих богачей, и вместе с другими излишествами роскоши страсть к бегу колесниц перешла в Рим. В Цирках римских она походила на совершенное безумие; восторг народа казался сумасшествием, когда при воплях бесчисленной толпы зрителей начинался бег колесниц. Ни бой гладиаторов, ни редкие звери, убиваемые тысячами в римском Цирке, не производили подобного восторга. Осудим ли римлян, во всем переходивших за пределы обыкновенного, если вспомним лошадиные скачки и петушьи бои англичан, даже кулачные битвы и гусиные бои русских, бой перепелок у китайцев? Люди везде люди, и смешное и странное похоже на фигуры калейдоскопа, которые кажутся так бесчисленны, так разнообразны, а между тем одни и те же обломки цветных стекол производят эти фигуры разнообразные.

Безумствуя в роскоши, императоры римские ничего не щадили для игр Цирка. Победители Цирка казались важнее победителей врагов империи, и плески и восторг народный приветствовали на улицах римских ловкого возницу, как будто полководца, разгромившего полчища парфян¹⁵⁹ или германцев.

Обыкновенно выезжали на бег *пятьдесят* колесниц; каждый раз скакали *две* колесницы; бег возобновлялся, таким образом, двадцать пять раз. Для отличия сподвижников, возница одной колесницы обыкновенно был одет в *белое*, другой в *красное* платье. И здесь начало разделений партий Цирка.

Зрители, сподвижники, вельможи, императоры держали сторону того или другого цвета. Победитель горделиво сохранял свой цвет до следующего бега. Противник его также сохранял свой цвет, надеясь на победу в будущем. Бесконечные споры и заклады держали после того о *белом* или *красном*. Множество друзей, клевретов, клиентов приставало к партиям со своими спорами и закладами. Зрители, вступая в Цирк, принимали сторону *красного* или *белого*, и нередко поприще Цирка становилось местом раздора, битвы, и *красный* и *белый* и вне Цирка делались знаменем ненависти, вражды, мщения, даже убийства. Вскоре число партий умно-

¹⁵⁸ ...в Олимпии, Немее, на Истме Коринфском. – Имеются в виду игры: Олимпийские, проводимые в честь Зевса раз в четыре года в священной Олимпийской долине; Немейские, также в честь Зевса, которые проводились в Немейской долине каждые два года на второй и четвертый года Олимпиады, и Истмийские, проводившиеся на Коринфском перешейке раз в два года в честь греческого бога морей и вод Посейдона.

¹⁵⁹ ...полчища парфян... – Парфяне, иранское племя, кочевников в I—III вв. Рим и Парфянское царство вели борьбу за обладание Месопотамией и Арменией.

жилось прибавлением еще двух колесниц, возницы которых были в *синем* и *зеленом* одеянии, так что *четыре* из них, отличенные *четырьмя цветами*, скакали в один раз.

В течение продолжительного времени, когда уже родовые вражды партий Цирка стали переходить от отца к сыну с символом цветов, когда Калигулы, Нероны, Вителлин, Коммоды, Каракаллы, Гелиогабалы¹⁶⁰ были записаны в разряды красных или белых, синих или зеленых, деление Цирка сделалось предметом государственных раздоров и смятений.

Нашлись мудрецы, изъяснившие народу, что цвета Цирка основаны на таинственных законах природы и заключают в себе глубокую тайну мудрости, в которой сокрыто пророчество добра и зла для государства. Одни говорили, что белый цвет изображает собою время *зимы* и белоснежный покров ее; красный относится к пламенному *лету* и его огневидным небесам; зеленый означает *осень*, с ее благодатным зеленым украшением, а синий *весну*, с ее лазурными небесами. Другое изъяснение простиралось гораздо далее. Говорили, что *огонь*, *воздух*, *земля* и море суть знамения красного, белого, зеленого и синего цветов. Последнее истолкование превозмогло первое, и весь народ римский разделился на цвета Цирка. Всякий, кто занимался ремеслом около огня, приставал к красному; нашлись приверженцы белого, думавшие, что их занятие относится к воздуху; земледельцы, все те, кто получал свое существование от обрабатывания земли, объявили себя защитниками зеленого, а мореходцы, рыбаки, купцы, вверяющие судьбу свою морю, синего цвета. Задолго до начала игр Цирка вражда, ненависть, междоусобие разделяли граждан Рима. Цирк окружали неистовые толпы народа. На поприще врывались тысячи, и кровопролитное сражение разных званий¹⁶¹, почти каждый раз, обливало кровью римский Цирк. Ненависть партий ужасна, потому что она безумна. Она не спрашивает причины, безотчетно передается в поколения. Первоначальная вина раздора бывает забыта, теряется: остается одно гибельное следствие – вражда без причины и без отчета.

Наконец, дошло до того, что ни одно политическое событие не могло совершиться без участия партий Цирка. Государственное определение, сделанное приверженцами одной партии, возмущало все другие. Выбор чиновника из числа *белых* подвергал его гонению и ненависти *синих*; *зеленого* – гонению и гибели от руки *красных*. В судах, в войске, в Сенате, на рынках, в домах слышны были ужасные слова: *Синий*, *Зеленый*, *Красный*, *Белый*! И почти всегда сии слова означали неизбежную гибель.

Введение христианства возбудило партии Цирка к новой вражде. Нередко из одной ненависти, партий приставали к той или другой стороне, и никакая сила не могла утешить их мстительной ненависти. Вообще *зеленые* держались древнего язычества; *синие* объявили себя защитниками христианства.

Много времени прошло; предметы споров разнообразились, изменялись – сущность их оставалась одна. Четыре партии соединились, наконец, в двух. *Красные* и *белые* исчезли. Раздоры, волновавшие первобытную церковь, мнения, толки, ереси находили своих защитников в *синих* и *зеленых*. Так, оставляя язычество, *зеленые* приняли под свою защиту ересь Ария¹⁶²; *синие* остались верны православию.

Все это разливалось из Рима во все области империи. Антиохия¹⁶³ и Равенна¹⁶⁴, Афины и Никея¹⁶⁵, Иерусалим и Марсель равно были обливаемы кровью во имя «синих» и «зеленых».

¹⁶⁰ *Калигула* («солдатский ботинок») – прозвище Гая Цезаря Германия (12—41), римского императора с 37 г.; *Нерон* – см. комм. к с. 30; *Вителлий* Авл (12—69), римский император в 69 г. *Коммод* – Марк Аврелий Коммод Антоний (161—192), римский император с 180 г.; *Каракалла* («одетый по-галльски») – прозвище Марка Аврелия Севера Антония (186—217), римского императора с 211 г., *Гелиогабал* – см. комм. к с. 30.

¹⁶¹ ...сражение разных званий... – т. е. людей разных сословий.

¹⁶² *Ересь Ария* – см. комм. к с. 48.

¹⁶³ *Антиохия* – см. комм. к с. 36.

¹⁶⁴ *Равенна* – город в северной Италии; основан в 5 в. до н. э. этрусками (древнейшая народность, населявшая Апеннинский полуостров); в 3 в. до н. э. завоеван римлянами; в 5 в. н. э. – резиденция западноримских императоров; в 493—555 гг. – столица государства остготов, затем – византийского наместника.

Но нигде не свирепствовали сии раздоры так жестоко, так безумно, как в Царьграде. Римский Цирк, переименованный в Царьграде Ипподромом, составлял страшное место политических смятений, ужаса народного, позорища для праздных и богатых. На Ипподроме решались споры искателей престола и волнения церковные. Правосудие, повиновение, справедливость бежали гибельного поприща ипподромского. Ереси и бунты укрывались туда, как в верное место убежища, от всяких преследований. При входе в Ипподром умирала власть императора и правительства. Кинжалы «синих» и «зеленых» готовы были по первому знаку предводителей. Связь дружбы и родства расторгалась при одном слове: *синий, зеленый!* Нередко буйная, остервенелая толпа морских воинов сражалась на царьградских улицах с воинами сухопутными. С одной стороны слышно было: *Смерть «зеленым»!* с другой: *Смерть «синим»!*

Напрасно думали по временам останавливать такие неистовства. Противник партий Ипподрома вооружал на себя обе стороны, и тогда ничто не спасало его от гибели. Кинжал убийцы, яд подкупленного раба угрожали смертью дерзновенному!

Но, впрочем, не много было людей, противившихся буйству *синих* и *зеленых*. Летописи Царьграда, почти с начала до конца их, непрерывно представляют ужасающий ряд волнений, бедствий, падения властителей, восстания других на их места. В таких несчастных обстоятельствах Ипподром составлял главное и важное пособие всякому честолюбцу, когда непрерывные перемены на престоле царьградском позволяли каждому из них думать, что завтра ему откроется путь к владычеству погибелью царствующего хищника. Уже не войско, не гвардия императорская сменяли владык и передавали империю по своей воле. Заговоры таились во мраке дворца императорского, в чертогах императриц, в уединении храмов, где фанатизм спорил о таинствах богословских. И на Ипподром спешили после того, туда, где грозный голос «синих» и «зеленых» решал участь государя и государства. Здесь являлся дерзкий любовник императрицы, во имя ее или малолетнего ее сына, требовать помощи; сюда прибегал и непослушный наследник, посягающий на жизнь отца; сюда спешил вельможа, восставший на императора. Здесь вопияло о помощи изуверство, и без решения «синих» и «зеленых» не смел отважиться на появление в Царьграде полководец, обольстивший вверенное ему войско и готовый низринуть своего властителя. Отсюда устремлялись толпы неистовых в дворцы Влахерна и Вукалеона. В несколько часов разрушали они власть и могущество, казавшиеся столь крепкими еще накануне, и владели императоров, императриц, детей, родных, вельмож их в темницы, терзали их, заключали в монастырские обители, вырезывали им глаза: это ужасное наказание было изобретено в Царьграде и оставалось неизвестным в Риме, в самые страшные времена Неронов и Калигул.

Но никогда «синие» и «зеленые» не являлись в такой ужасающей силе, как в царствование Юстиниана. Здесь соединилось все: борьба язычества с христианством, ересей с православием, несколько похитителей престола одного против другого.

Царствование Маркиана, Пульхерии и Льва утвердило православие¹⁶⁶, возмущенное дотоле Арием и Евтихием¹⁶⁷. Безрассудная ревность думала, что секты философов и ученых, уцелевшие среди христианства, поддерживают возмущения церкви. И еще прежде, нежели

¹⁶⁵ *Никея* – город на берегу Мраморного моря, столица Вифинии – исторической обл. на северо-западе Малой Азии; со 2 в. до н. э. в вассальной зависимости от Рима; с 74 г. до н. э. – в составе Римской империи.

¹⁶⁶ *Царствование Маркиана; Пульхерии и Льва утвердило православие...* – Имеется в виду борьба с религиозными распрями, вызванными различным пониманием двуединости естества в Христе, которая завершилась поражением еретиков, ориентировавшихся на толкование, свойственное египетской церкви (сущность Христа едина), и укреплением в Константинополе позиций сторонников двуединости (Христос имел два естества – божеское и человеческое); наиболее острый характер эта борьба приняла в годы правления императора Маркиана и императрицы Пульхерии (450—457) и императора Льва I (457—474).

¹⁶⁷ *Евтихий* – архимандрит одной из Константинопольских церквей в 40-50-е годы IX в.; сторонник подчинения Константинопольской церкви (православной) египетской («еретической»).

варвары сарацинские жгли¹⁶⁸ творения Омиров и Платонов в печах Александрии, знаменитая библиотека Серапионская¹⁶⁹, школы Веритская и Эдесская были уничтожены¹⁷⁰. Гонение, обращенное на философов, возбудило фанатическое, исступление их на защиту. Имена: *еретика* и *философа*, *арианина*¹⁷¹ и *поэта*, *христианина* и *варвара* – были произносимы с обеих сторон без разбора. Лев, возведенный на престол силою последователя ариан Аспара¹⁷², скоро возбудил ненависть своим православием. Аспар погиб от руки чудовища Зенона, зятя императорского. Но с кончиною Льва, Зенон, правитель империи во имя сына своего Льва младшего¹⁷³, снова разрушил тишину церкви. Пятнадцать лет кровопролитного междоусобия кончились смертью Льва младшего, самозванца Василиска¹⁷⁴, наконец, самого Зенона. Заключенный заживо в гробнице¹⁷⁵, он грыз себе руки и издыхал в мучениях, когда счастливый любимец супруги его возводим был на престол. Анастасием назывался¹⁷⁶ сей любимец. Вероломно нарушив клятву в православии, Анастасий гнал церковь, разрушал ее святые уставы. Таким образом, в течение *сорока лет* успели восторжествовать ересиархи и философы; православие стеноло и посыпало главу свою пеплом печали. Грубый славянин, пахарь фракийский, сел на престоле цареградском, и вдруг разрушилось долговременное торжество ересей и философии. Юстином назывался¹⁷⁷ новый император; безграмотный варвар, он подписывал свое имя, водя грифелем сквозь дощечку, на которой оно было вырезано, ненавидел науки и философов, объявил себя врагом их, поборником церкви, и тогда закипели партии Ипподрома. Мнение народное, преданность войска, сила государства – все было на стороне Юстиновой. Велазарий заставил трепетать внешних врагов его. Наконец, партия «синих» увеличила могущество Юстина. Тем отчаяннее сделалось сопротивление «зеленых». Злобе их не было меры. Ереси и философия, защита потомков Анастасия и ненависть к «синим», сосредоточились для них воедино. Юстину наследовал Юстиниан, столь славный и столь бесславный в истории, созидатель Софийского храма и поборник ереси Евтихия, основатель систематического учения римского права¹⁷⁸ и ненавистник всякого учения, прославленный победами Нарсесов¹⁷⁹ и

¹⁶⁸ ...варвары сарацинские жгли... – Знаменитая Александрийская библиотека (Александрия – см. прим. к с. 87) была почти полностью уничтожена в 273 г. войсками императора Аврелиана (см. прим. к с. 57), ее остатки были переправлены в храм Серапиум (отсюда – Серапионская библиотека).

¹⁶⁹ ...знаменитая библиотека Серапионская... – Серапиум был разрушен в 391 г. христианами-фанатиками; в 642 г. его уничтожение завершили мусульмане-фанатики.

¹⁷⁰ ...школы Веритская и Эдесская были уничтожены... – Эдесская теологическая школа (г. Эдесса в Сирии), где ведущее место занимали последователи Нестория (см. комм. к с. 69), была закрыта византийским императором Зиноном в 489 г.

¹⁷¹ Арианин – последователь Ария (см. комм. к с. 48).

¹⁷² Лев, возведенный на престол силою... Аспара... – Аспар – готский вождь, командир отряда наемников-варваров, где офицерами были византийцы; в 450 г. его офицер Маркиан стал мужем Пульхерии и императором, после смерти которого в 457 г. императором стал другой офицер отряда – фракиец Лев (см. выше комм. к этой стр.). Аспар, его семья и отряд готов были перебиты солдатами корпуса исавров, которыми командовал Зинон, вскоре женившийся на дочери Льва I и после его смерти ставший императором (474, 476—491).

¹⁷³ Лев младший – Лев II, император Византии в 474 г.

¹⁷⁴ ...самозванца Василиска. – Василиск – военачальник, брат жены Льва I, захватил в январе 475 г. власть в Константинополе, провозгласил себя императором; в августе 476 г. войска Зинова заняли Константинополь и императором снова стал Зинон.

¹⁷⁵ Зенон... заключенный заживо в гробницу... – Имеется в виду версия, согласно которой во время дворцового переворота 9 апреля 491 г. мертвецки пьяного Зинова (Зенона) выдали за покойника и заживо похоронили.

¹⁷⁶ ...любимец супруги его... Анастасием назывался... – Вдова Зинова Ариадна своим мужем избрала своего любовника, выходца из незнатной семьи, дворцового служащего – силентария (см. кн. с. 40) Анастасия Дикора, которого затем сенат, духовенство и цирковые партии Константинополя, в свою очередь, избрали императором; правил до 518 г.

¹⁷⁷ Грубый славянин, пахарь фракийский, сел на престол... Юстином назывался... – Юстин I (ум. 527) – македонский крестьянин благодаря силе и красивой внешности стал гвардейцем, дослужился до высокой должности командира дворцовой гвардии; после смерти Анастасия 10 июля 518 г. гвардия, сенат и цирковые партии избрали его императором.

¹⁷⁸ Юстиниан... основатель... учения римского права... – Имеется в виду систематизация по инициативе Юстиниана I действующего римского законодательства и составление единого «Свода гражданского права» (529 г.).

¹⁷⁹ Нарсес (ок. 478—568) – византийский полководец, армянин по происхождению; в 552—555 гг. разбил в Италии ост-

Велизариев¹⁸⁰ и трепетавший во дворце своем воли рабов своих и евнухов, превознесенный и поруганный современниками, восстановитель величия царьградского двора и супруг Феодоры, публичной плясуньи, дел которой постыдились бы Мессалины и Фаустины¹⁸¹. Таков был Юстиниан. В начале царствования, еще не зараженный учением ересиарха Евтихия, Юстиниан продолжал гонение Юстина на философию и науки, разрушал все школы философов, разорвал *золотую цепь* последователей Платона в Афинах, заставил несчастных мудрецов бежать, укрываться при дворе Хозроя¹⁸², и гнал ученых и знания столь бесчеловечно, что имя его ставили рядом с именем мугаммеданских противников просвещения. Вскоре кровавая вражда «синих» и «зеленых» вспыхнула и потрясла в основании всю империю. Уже не скрытно, не тайными происками, но явно, вооруженными толпами сражались две ужасные партии. Пожары, убийства, хищения означали всюду следы вражды их. Напрасно Юстиниан издавал повеления, которыми уничтожалось различие партий. Напрасно запрещено было различие цветом одежды. «Синие» надели одежду варваров, остроконечные колпаки хазарские, отрастили длинные волосы скифов, узнавали друг друга по знакам, неприметным для непосвященных в таинство. «Синие» явно торжествовали в Царьграде. «Зеленые» подкреплялись милостью императрицы Феодоры. Она была дочь вожатого медведей, которых держала партия «зеленых» для битв Ипподрома, и никогда не могла забыть Феодора того, что после смерти бедного отца ее «зеленые» спасли ее и сестер от голодной смерти, Феодорик, повелитель Рима¹⁸³, покровитель арианской ереси, также подкреплял партию «зеленых» в Риме. Борьба колебалась; победа оставалась нерешенною.

Игры Ипподрома на время остановили. Но, думая, что не осмелятся уже нарушить его повелений, Юстиниан возобновил, наконец, игры, и со страхом увидел он, что тысячи присутствующих на Ипподроме, забывая все повеления, были одеты в два ужасные цвета. Едва поскакали колесницы по Ипподрому, вопли негодования потрясли сердца всех. Юстиниан думал убедить бунтовщиков продолжительною речью. Дикий вопль был ответом ему. — *Смерть бунтовщикам!* — произнес Юстиниан, задыхаясь от гнева. Стражи бросились по его слову, схватили несколько «зеленых». «Немедленно казнить их!» — воскликнул Юстиниан.

Несчастных поволокли вон. Но Ипподром уже представлял страшное позорище смятения и убийства. «Синие» вступили в битву, думая, что слова императора дают им волю губить врагов своих. Засверкали кинжалы. Стража императорская получила повеление умерщвлять без пощады всех, кто будет найден с оружием в руках, не различая, в синем ли кто или зеленом платье.

«Государь! мы *синие*, мы защищаем тебя!» — кричали «синие», поражаемые мечами стражей.

готов; первый византийский наместник Италии (555—567).

¹⁸⁰ Велизарий — см. комм. к с. 36.

¹⁸¹ ...Феодоры, публичной плясуньи, дел которой постыдились бы Мессалины и Фаустины... — Феодора (500—548), императрица, жена Юстиниана I, до замужества была дочерью смотрителя за дикими зверями в Константинопольском цирке; невысокого роста, изящная, отличалась редкой красотой к уму; рано начала развратную жизнь, была танцовщицей, куртизанкой; проявила себя великой мастерицей тайных интриг, беспощадно расправлялась со своими врагами. *Мессалина* (ок. 25—48) — третья жена болезненного и слабохарактерного римского императора Клавдия (10—54; император с 41 г.), одна из наиболее известных развратниц эпохи Римской империи; властная, коварная, жестокая, женщина, фактически управляла страной вместе со своими любовниками; участвовала в заговоре против мужа, после чего была им казнена. *Фаустина* — Было две Фаустины — мать и дочь: Старшая (100—141), римская императрица с 138 г., и Младшая (130—176), римская императрица с 161 г. Имя Фаустины — во множественном числе — Полевой приводит, следуя традиции, идущей еще из античности. Однако в конце XIX в. историки обратили внимание на ряд фактов из супружеской жизни этих женщин, которые дали основание для серьезных сомнений относительно справедливости и объективности той характеристики, какую дали им античные писатели.

¹⁸² ...заставил несчастных мудрецов... укрываться при дворе Хозроя... — Имеется в виду бегство афинских философов во главе с Иоанном Дамаскием (Дамаскином; ок. 460 — после 538) ко двору шаха Ирана, персидского царя с 531 г., Хосрова I Ануширвана (ум. 579), после закрытия в 529 г. Юстинианом I афинских философских школ.

¹⁸³ Феодорик, повелитель Рима... — Имеется в виду Теодорих I Делиний (454—526), король остготов с 471 г.; в 493 г. убил правителя Италии (с 476) Одоакра (433—493) и основал на ее территории государство остготов.

– Вы все злодеи, бунтовщики, убийцы! Смерть бунтовщикам, смерть «синим» и «зеленым»! – возгласил Юстиниан, оставаясь на своем седалище.

Тогда одна злоба соединила «синих» и «зеленых». Воины императорские поколебались. Юстиниан побледнел, видя устремленных на него с кинжалами бунтовщиков, видя, что все пространство Ипподрома превратилось в место битвы, откуда бежали мирные граждане, где женщины, дети были терзаемы, теснимы толпами неистовых. Мошенники, разбойники, убийцы бросились грабить, убивать, пользуясь смятением. Кони, испуганные воплями и криками, бесились, били, ломали колесницы. Все смешалось, слилось в общем бедствии: супруга вельможи была оставлена ее рабами, и с нее рвали драгоценные уборы; сын царедворца умирал, брошенный прислужниками и раздавленный бешеным конем; служителя церкви терзали, срывая с него драгоценное одеяние. Уже близко были кинжалы убийц у седалища Юстиниана; но вопль, крик, движение толпы с одной стороны, общий побег народа в противную сторону показывали, что помощь приспела спасти императора.

Это был *Велизарий*. Он пробрался к отряду воинов, занимавших одну из улиц, ведущих на Ипподром. «Друзья! – воскликнул герой, – Велизарий зовет вас! Ему ли откажете, тому ли, кто столько раз водил вас к победе? За мною, друзья! Спасем императора!»

– Nika! Nika (будь победитель)! – отвечали воины, и с кликом: Nika! Nika! – Велизарий обнажил меч, повел воинов за собою. Все уступило ему. Он заслонил Юстиниана, когда кинжал был уже вознесен над его сердцем. Бунтовщики побежали в беспорядке, и с восклицанием: Nika! Nika! – преследовали их воины Велизария.

Страшно было позорище Ипподрома. Разрушенные седалища, изломанные колесницы, трупы коней и людей валялись посреди умирающих, раздавленных, изувеченных мужей, жен, детей, разодранных одежд, изломанного оружия. Во все стороны бежал народ; разъяренные воины гнались за ним, не щадя ни пола, ни возраста.

Но это было только начало бедствий. «Синие» и «зеленые» ударили набат¹⁸⁴, собрались в разных местах города, и едва успел возвратиться Юстиниан во дворец, к нему принесли известие, что на Таврской площади, где приказано было казнить несколько захваченных бунтовщиков, собрались тысячи буйного народа. «Да будет знамением нашим то слово, которым погубили столько невинных и беззащитных его хищные воины – Nika! Nika! Смерть Юстиниану и Феодоре!» Так вокликали возмутители, и – Nika! Nika! – загремело на площади. Эшафот, на котором лежало уже несколько обезглавленных трупов, был разломан; остальных бунтовщиков вырвали из рук стражи и в торжестве повели по городу. Скоро взвился густой черный дым; бунтовщики зажгли дом префекта царьградского; набат загремел на всех колокольнях, и убийство, хищение и грабеж разлились по всему Царьграду. Ересiarхи воспользовались смятением; последователи философов также. В одном месте убеждали бунтовщиков сражаться во имя *Пифагора* и *Платона*, в другом – во имя *Ария* и *Евтихия*, *Нестория*¹⁸⁵ и *Пелагия*.¹⁸⁶

Но еще не весь Царьград был возмущен. Несчастное распоряжение Юстиниана довершило бедствие. Трепеща в сонме своих царедворцев, запершись во дворце, он не знал, что

¹⁸⁴ «Синие» и «зеленые» ударили набат... – Далее описывается восстание «Ника» (см. комм. к с. 55).

¹⁸⁵ *Несторий* (ум. ок. 450) – антиохийский священник, потом константинопольский патриарх в 428–431 гг.; осужден как еретик в 431 г. и сослан в Египет; основатель учения (несторианство), согласно которому Христос родился простым человеком, сумевшим преодолеть свойственные людям слабости и стать мессией – божьим избранником (посланцем), призванным установить на Земле угодный Богу порядок; божественное начало, считали несториане, никогда не сливалось в Христе с человеческим, пребывая в относительном соединении, и дева Мария была не Богородицей, а «человекородицей».

¹⁸⁶ *Пелагий* (ум. 418) – кельтский священник, основатель пелагианства (ок. 400 г.) – учения, согласно которому человек не подавлен первородным грехом, рождается свободным и сам выбирает свой путь; на него, как и на других потомков Адама и Евы, не переходит первородный грех, ибо грех свойство души, а не тела, а потому человек своими собственными действиями, разумом и озарением, посылаемым Господом, способен достичь праведности и спасения. Пелагианство было осуждено византийской церковью.

делать. Тут присутствовали и хитрый Трибониан¹⁸⁷, и корыстолюбивый Иоанн Каппадокийский¹⁸⁸, и мужественный Велитарий, и никто не умел дать совета в час грозящей опасности. Не смели отрядить на бунтовщиков войска императорского, боясь, что он пристанет к стороне возмутителей; решились, наконец, послать пятитысячную дружину наемных герулов.¹⁸⁹

С диким завыванием пошли варвары по улицам Царьграда, как разъяренные тигры, с которых сняли цепи. Они не хотели или не умели понять, на кого и куда отправили их. Ненависть к грекам, свирепое корыстолюбие, буйство варварское, не знающее ни законов, ни уставов – все это явилось в действиях защитников Юстиниановых. Легко разогнали они толпы, собиравшиеся на площадях; но недовольные смертью немногих, они начали нападать на всех, встречающихся с ними. Все гибло под их секирами и дубинами; они стали врываться в дома; вопль жен и девиц, которых терзали перед глазами супругов, братьев к отцов, стон младенцев, выкинутых на улицы с разможженными головами, имение граждан, делимое, грабимое варварами – все это привело в волнение весь Царьград. Народ побежал тысячами на площади; снова загремел набат, и уже загремел повсюду; с азиатской стороны поплыли толпы народа, с оружием, с дрекольями. Войско императорское пристало к народу. Все устремилось на полчища герулов; варвары оставили грабеж, соединились, устремились на худо вооруженный народ – началась битва отчаянная. Граждане сами зажигали свои дома; среди пожара, среди ужасов безначалия, бились чем попало; из окон домов бросали камни, сосуды, мебель; сражались монахи, священники, дети, женщины. Между тем Царьград пылал во всех сторонах – дома, церкви горели, падали, разрушались. Огонь достиг до соборного храма Св. Софии, до дворца Влахернского. Герулы погибли в битве; народ терзал, волочил их обезображенные трупы, и клик: Нока! Нока! – грозно раздался окрест дворца; тысячи окружили Вукалеон.

Велитарий, патриарх, знатнейшие чиновники вышли к народу, убеждали его. Ярость народная укротилась на время. Толпы неистовых отхлынули от дворца. «Синие» и «зеленые», избранные предводителями народа, вступили в переговоры, как будто самовластные правители Царьграда. Они требовали выдачи судей, по приговору которых казнены были их товарищи; хотели, чтобы Юстиниан явился на Ипподром и дал клятву восстановить игры ипподромские, удалил всех наемных варваров из Царьграда, велел изыскать виновников народного бедствия.

Им обещали. Смятение начинало утихать. Граждане опомнились; всюду стали тушить пожар. На Ипподроме учредилось судилище, доставленное из «синих» и «зеленых», в ожидании присылки виновных, тут ожил опять дух ненависти партий, когда они увидели себя победителями.

Юстиниан не хотел исполнить обещаний, данных кровожадным мятежникам. Узнав меру опасности, видя, что минуты неистовства народного пролетели, что многие из воинов возвращаются в места своих сборищ, дух крамолы царедворцев ожил. Были в Царьграде два племянника императора Анастасия, ненавистные многим вельможам. Отличенные добродетелями, они уцелели в прежних смятениях, и с самого начала ужасной *Ники* находились неотступно во дворце, при особе императора, желая доказать свою верность. Еще ни на что не решался Юстиниан. С одной стороны, Велитарий советовал ему призвать полки, находившиеся на азиатской стороне, и браться предводить ими и рассеять бунтовщиков. С другой, советовали императору удалиться из Царьграда. Наконец, многие, указывая ему на толпы бунтовщиков, не оставляв-

¹⁸⁷ ...хитрый Трибониан... – Видный византийский юрист, правовед, главный деятель законодательной реформы Юстиниана I, руководил составлением «Свода гражданского права», разработкой других законодательных и судебных актов.

¹⁸⁸ Иоанн Каппадокийский – министр финансов и видный администратор при Юстиниане I, провел финансовую и налоговую реформы, в частности ввел «налог на воздух», – за нарушение нормы (менее 10—15 шагов), какой определялось расстояние между домами; ввел постоянные рыночные цены на рабов и т. д.; его реформы тяжело сказались на материальном положении горожан, но обогатили императорскую казну; они явились одной из причин восстания «Ника» (см. комм. к с. 55).

¹⁸⁹ Герулы – племя восточных германцев; сначала проживало в Скандинавии; в 3-4 вв. – переехало в низовья Рейна, затем – в 5-6 вв. на берега Дуная; их многочисленные отряды находились на службе у римлян и византийцев.

шие Константинова форума и Ипподрома, уверяли его, что не безумное неистовство народа, но тайный умысел *Ипатия* и *Помпея* – так назывались племянники Анастасия – предводил бунтом. Нерешительный, колеблемый сомнениями Юстиниан приказал готовить корабли для своего отъезда, послал приказ полкам переправиться в Царьград и повелел предстать перед собой Ипатию и Помпею. Они явились; с изумлением невинности выслушали гневное обвинение императора; клялись в верности ему. Юстиниан приказал им удалиться в их дома.

Между тем, на Ипподроме опять доходило до битвы. «Зеленые» и «синие» снова принимались за оружие, разгоряченные спорами о своих преимуществах. Другие кричали, что Юстиниан обманул своих подданных. Видя движение войска с азиатской стороны, корабли, подошедшие к Вукалеону, народ снова побежал толпами на Ипподром.

«Синие! – воскликнул тогда один из предводителей „зеленых“, – мир и дружба – прочь Юстиниана! Изберем в императоры одного из потомков Анастасиевых! Да здравствует Ипатий и Помпей!»

– Да здравствуют! – воскликнули тысячи людей, сами не понимая, кому желают здравия. «Синие» требовали объяснений, условий, соглашались избрать Ипатия и Помпея, если они утвердят права их и преимущества.

Тысячи бросились между тем к жилищу Ипатия и Помпея, окружили дома их и вызывали громкими кликами обоих братьев, Братья явились, отреклись от безумного избрания, умоляли народ опомниться. Помпей бежал и скрылся. Но Ипатия схватили и насильно повели на Ипподром. Супруга его выбежала к народу, со слезами просила отпустить Ипатия; ее не слушали. Насильно привлечен был Ипатий на площадь Ипподромскую. «Зеленые» возглашали его имя; «синие» еще колебались.

Юстиниан услышал о новой перемене дел, потерял всю бодрость, велел переносить из дворца на корабли сокровища и драгоценности. Еще несколько мгновений, и он мог лишиться престола. Феодора, эта развратная плясунья, позорившая собою трон императорский, спасла императора.

– Остановитесь, – говорила она смятенному сонму вельмож и царедворцев, – если император потерял бодрость – он не император более – я заступлю его место! Смерти ли бояться? Все мы при самом рождении осуждены умереть. Царь не должен переживать потери престола. Беги, Юстиниан, но для меня престол мой будет гробом. Кто смеет противиться мне? – вопрошала она, обращая кругом пламенные взоры.

«Никто, государыня! Повели, и мы умрем за тебя и твоего супруга!» – воскликнул Велизарий, устыдясь, что его, страшилище персов и вандалов, победила твердостью духа слабая, развратная женщина.

Юстиниан безмолвствовал.

«Итак, – говорила Феодора, – прочь корабли, возвратим престол наш, или, клянусь Богом, что Вукалеон будет моею и вашею могилою!»

Начали совещаться. Известие о раздоре «синил» и «зеленых» принесено было во дворец.

«Мы спасены!» – воскликнула Феодора.

Немедленно поскакали на Ипподром многие царедворцы. Там, на седалище, покрытом багряным ковром, находился печальный Ипатий; на голову его, вместо короны, повязали какое-то драгоценное ожерелье. Слезы текли из глаз его, и с ужасом внимал он дикому спору «синих» и «зеленых», теснившихся окрест его.

– Синие! Император Юстиниан призывает вас к себе, – кричали царедворцы, прискакавшие из Вукалеона, – он прощает вам все вины, все проступки ваши, и отныне, императорским словом его – *уничтожаются навеки зеленые, еретики и философы*. Только вы одни будете владыками Ипподрома! Император отдает в руки ваши всех «зеленых» – смерть им, погибель всему, чем владеют они!

«Да здравствует Юстиниан! смерть зеленым!» – возопили «синие», и мгновенно разделся Ипподром. Все «синие» собрались на одной стороне его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.